

В.В. Бианки

Сказки

МАЛЫШАМ

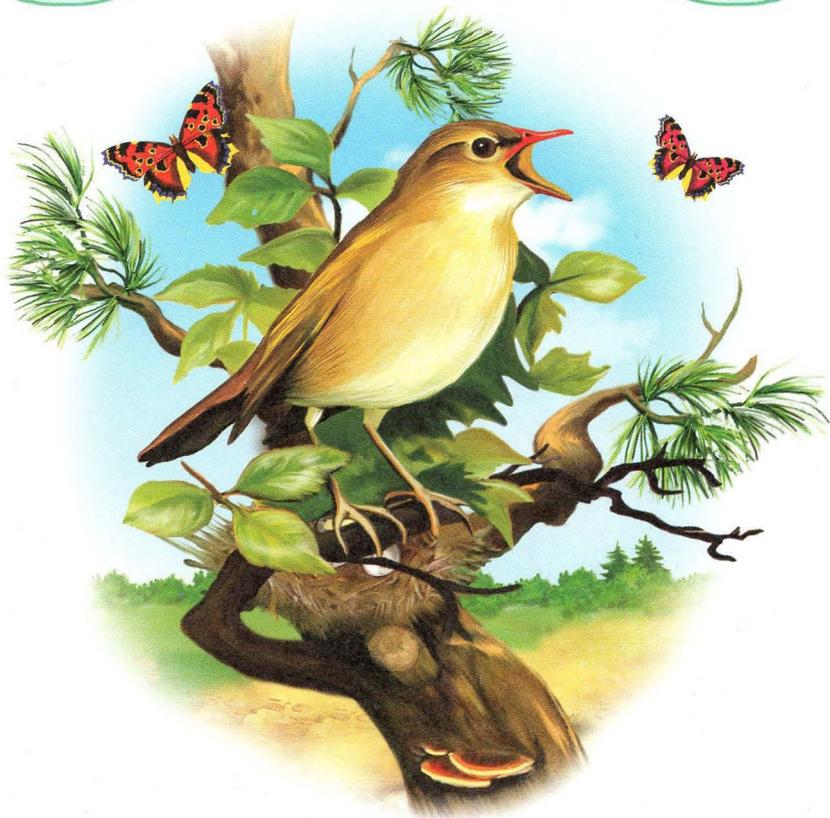

ndn

Виталий Валентинович Бианки

Сказки

МАЛЫШАМ

Издательский дом «Проф-Пресс»
Ростов-на-Дону
2008

Художник
Елена Смирнова

Бианки В.В.

Б 59 Сказки малышам – Ростов-на-Дону: Издательский дом «Проф-Пресс», 2008. – 144 с., цветн. илл. (серия «Любимые сказки малышам»).

Этот красочно иллюстрированный сборник составили наиболее известные рассказы и сказки знаменитого детского писателя В.В. Бианки: «Первая охота», «Как муравьишка домой спешил», «Красная горка», «Чей нос лучше?», любимые детьми всех поколений.

ББК 84 (2Рос-Рус)6

Первая охота

Надоело Щенку гонять кур по двору.

«Пойду-ка, – думает, – на охоту за дикими зверями и птицами».

Шмыгнул в подворотню и побежал по лугу.

Увидели его дикие звери, птицы и насекомые и думают каждый про себя.

Выпь думает: «Я его обману!»

Удод думает: «Я его удивлю!»

Вертишейка думает: «Я его напугаю!»

Ящерка думает: «Я от него вывернусь!»

Гусеницы, бабочки, кузнечики думают: «Мы от него спрячемся!»

«А я его прогоню!» – думает Жук-Бомбардир.

«Мы все за себя постоять умеем, только каждый по-своему!» – думают они про себя.

А Щенок уже побежал к озерку и видит: стоит у камыша Выпь на одной ноге по колено в воде.

«Вот я её сейчас поймаю!» – думает Щенок и совсем уж приготовился прыгнуть ей на спину.

А Выпь глянула на него и быстро шагнула в камыш.

Ветер по озеру бежит, камыш колышет. Камыш качается

взад-вперёд,

взад-вперёд.

У Щенка перед глазами жёлтые и коричневые полосы качаются

взад-вперёд,

взад-вперёд.

А Выпь стоит в камыше, вытянулась – тонкая-тонкая, и вся в жёлтые и коричневые полосы раскрашена.

Стоит, качается

взад-вперёд,

взад-вперёд.

Щенок глаза выпучил, смотрел-смотрел – не видно Выпи в камыше.

«Ну, – думает, – обманула меня Выпь. Не прыгать же мне в пустой камыш! Пойду другую птицу поймаю».

Выбежал на пригорок, смотрит: сидит на земле Удод, хохлом играет, – то развернёт, то сложит.

«Вот я на него сейчас с пригорка прыгну!» – думает Щенок.

А Удод припал к земле, крылья распластал, хвост раскрыл, клюв вверх поднял.

Смотрит Щенок: нет птицы, а лежит на земле пёстрый лоскут, и торчит из него кривая игла.

Удивился Щенок: «Куда же Удод девался? Неужели я эту пёструю тряпку за него принял? Пойду поскорей маленькую птичку поймаю».

Подбежал к дереву и видит: сидит на ветке маленькая птица Вертишейка.

Кинулся к ней, а Вертишейка юрк в дупло.

«Ага! – думает Щенок. – Попалась!»

Поднялся на задние лапы, заглянул в дупло, а в чёрном дупле чёрная змея извивается и страшно шипит.

Отшатнулся Щенок, шерсть дыбом поднял – и наутёк.

А Вертишейка шипит ему вслед из дупла, головой крутит, по спине у неё змейкой извивается полоска чёрных перьев.

«Уф! Напугала как! Еле ноги унёс. Больше не стану на птиц охотиться. Пойду лучше Ящерку поймаю».

Ящерка сидела на камне, глаза закрыла, грелась на солнышке.

Тихонько к ней подкрался Щенок – прыг! – и ухватил за хвост.

А Ящерка извернулась, хвост в зубах у него оставила, сама под камень.

Хвост в зубах у Щенка извивается.

Фыркнул Щенок, бросил хвост – и за ней. Да куда там! Ящерка давно под камнем сидит, новый хвост себе отрацивает.

«Ну, – думает Щенок, – уж если Ящерка и та от меня вывернулась, так я хоть насекомых наловлю».

Посмотрел кругом, а по земле жуки бегают, в траве кузнечики прыгают, по веткам гусеницы ползают, в воздухе бабочки летают.

Бросился Щенок ловить их, и вдруг – стало кругом как на загадочной картинке: все тут, а никого не видно. Спрятались все.

Зелёные кузнечики в зелёной траве притаились.

Гусеницы на веточках вытянулись и замерли: их от сучков не отличишь.

Бабочки сели на деревья, крылья сложили – не разберёшь, где кора, где листья, где бабочки.

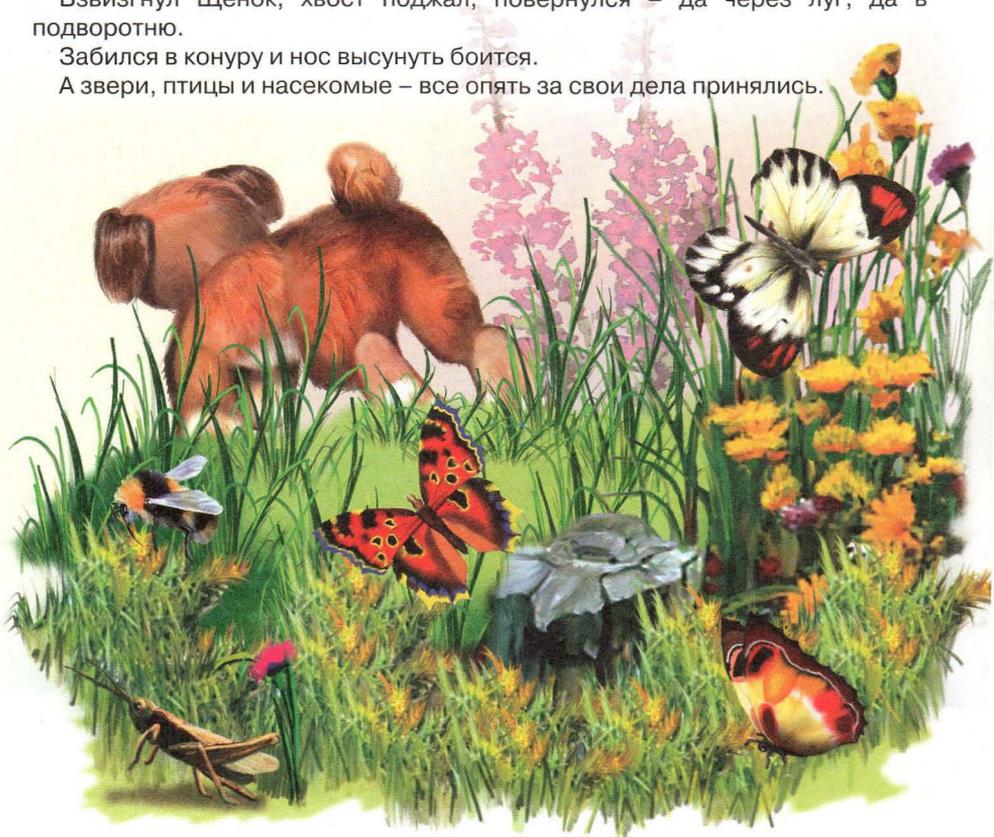
Один крошечный Жук-Бомбардир идёт себе по земле, никуда не прячется.

Догнал его Щенок, хотел схватить, а Жук-Бомбардир остановился да как пальнёт в него летучей едкой струйкой – прямо в нос попал!

Взвизгнул Щенок, хвост поджал, повернулся – да через луг, да в подворотню.

Забился в конуру и нос высунуть боится.

А звери, птицы и насекомые – все опять за свои дела принялись.

Как муравьишка домой спешил

Залез Муравей на берёзу. Долез до вершины, посмотрел вниз, а там, на земле, его родной муравейник чуть виден.

Муравьишка сел на листок и думает:

«Отдохну немножко – и вниз».

У муравьев ведь строго: только солнышко на закат, – все домой бегут.

Сядет солнце, – муравьи все ходы и выходы закроют – и спать. А кто опоздал, тот хоть на улице ночуй.

Солнце уже к лесу спускалось.

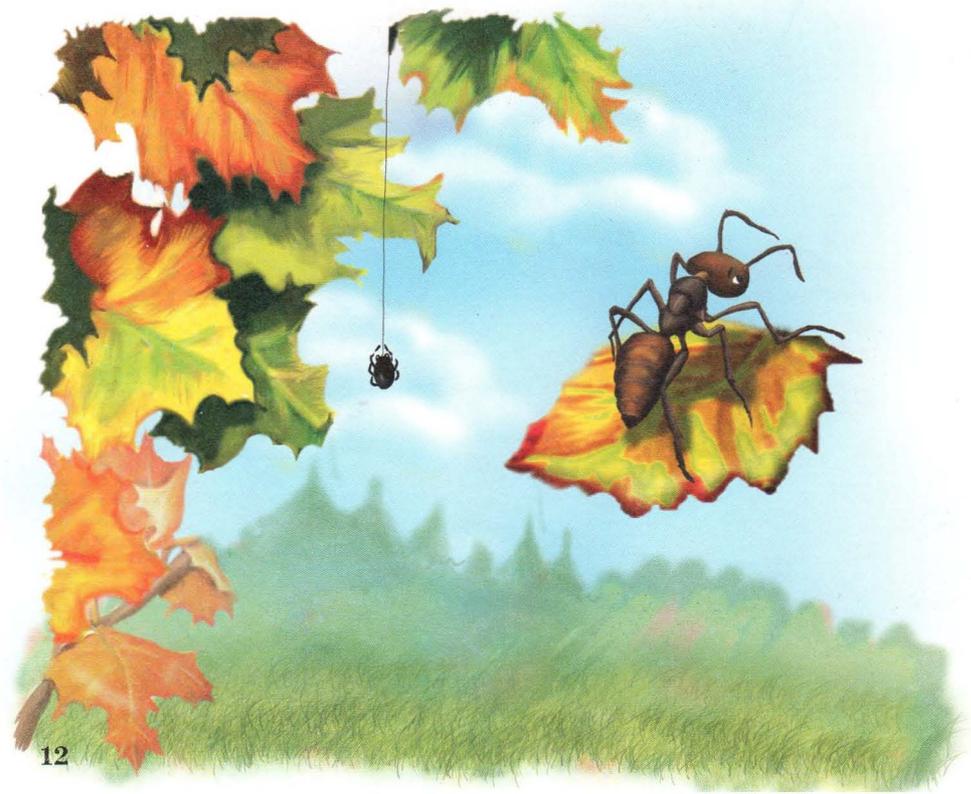
Муравей сидит на листке и думает:

«Ничего, поспею: вниз ведь скорей».

А листок был плохой: жёлтый, сухой. Дунул ветер и сорвал его с ветки.

Несётся листок через лес, через реку, через деревню.

Летит Муравьишка на листке, качается – чуть жив от страха.

Занёс ветер листок на луг за деревней да там и бросил. Листок упал на камень, Муравьишка себе ноги отшиб.

Лежит и думает:

«Пропала моя головушка. Не добраться мне теперь до дому. Место кругом ровное. Был бы здоров – сразу бы добежал, да вот беда: ноги болят. Обидно, хоть землю кусай».

Смотрит Муравей: рядом Гусеница-Землемер лежит. Червяк-червяком, только спереди – ножки и сзади – ножки.

Муравьишка говорит Землемеру:

– Землемер, Землемер, снеси меня домой. У меня ножки болят.

– А кусаться не будешь?

– Кусаться не буду.

– Ну садись, подвезу.

Муравьишка вскарабкался на спину к Землемеру. Тот изогнулся дугой, задние ноги к передним приставил, хвост – к голове. Потом вдруг встал во весь рост, да так и лёг на землю палкой. Отмерил на земле, сколько в нём росту, и опять в дугу скрючился. Так и пошёл, так и пошёл землю мерить. Муравьишка то к земле летит, то к небу, то вниз головой, то вверх.

– Не могу больше! – кричит. – Стой! А то укушу!

Остановился Землемер, вытянулся по земле. Муравьишка слез, еле отдышался.

Огляделся, видит: луг впереди, на лугу трава скошенная лежит. А по лугу Паук-Сенокосец шагает: ноги как ходули, между ног голова качается.

– Паук, а Паук, снеси меня домой! У меня ножки болят.

– Ну что ж, садись, подвезу.

Пришлось Муравьишке по паучьей ноге вверх лезть до коленки, а с коленки вниз спускаться Пауку на спину: коленки у Сенокосца торчат выше спины.

Начал Паук свои ходули переставлять – одна нога тут, другая там; все восемь ног, будто спицы, в глазах у Муравьишки замелькали. А идёт Паук не быстро, брюхом по земле чиркает. Надоела Муравьишке такая езда. Чуть было не укусил он Паука. Да тут, на счастье, вышли они на гладкую дорожку.

Остановился Паук.

– Слезай, – говорит. – Вот Жужелица бежит, она резвей меня.

Слез Муравьишка.

– Жужелка, Жужелка, снеси меня домой! У меня ножки болят.

– Садись, прокачу.

Только успел Муравьишка вскарабкаться Жужелице на спину, она как пустится бежать! Ноги у неё ровные, как у коня.

Бежит шестиногий конь, бежит, не трясёт, будто по воздуху летит.

Вмиг домчались до картофельного поля.

– А теперь слезай, – говорит Жужелица. – Не с моими ногами по картофельным грядкам прыгать. Другого коня бери.

Пришлось слезть.

Картофельная ботва для Муравьишки – лес густой. Тут и со здоровыми ногами – целый день бежать. А солнце уж низко.

Вдруг слышит Муравьишка, пищит кто-то:

– А ну, Муравей, полезай ко мне на спину, поскокаем.

Обернулся Муравьишка – стоит рядом Жучок-Блошачок, чуть от земли видно.

– Да ты маленький! Тебе меня не поднять.

– А ты-то большой! Лезь, говорю.

Кое-как уместился Муравей на спине у Блошака. Только-только ножки поставил.

– Влез?

– Ну влез.

– А влез, так держись.

Блошачок подобрал под себя толстые задние ножки, – а они у него, как пружинки складные, – да щёлк! – распрямил их. Глядь, уж он на грядке сидит. Щёлк! – на другой. Щёлк! – на третьей.

Так весь огород и отщёлкал до самого забора.

Муравьишка спрашивает:

– А через забор можешь?

– Через забор не могу: высок очень. Ты Кузнечика попроси: он может.

– Кузнечик, Кузнечик, снеси меня домой! У меня ножки болят.

– Садись на загривок.

Сел Муравьишка Кузнечику на загривок. Кузнечик сложил свои длинные задние ноги пополам, потом разом выпрямил их и подскочил высоко в воздух, как Блошачок. Но тут с треском развернулись у него за спиной крылья, перенесли Кузнечика через забор и тихонько опустили на землю.

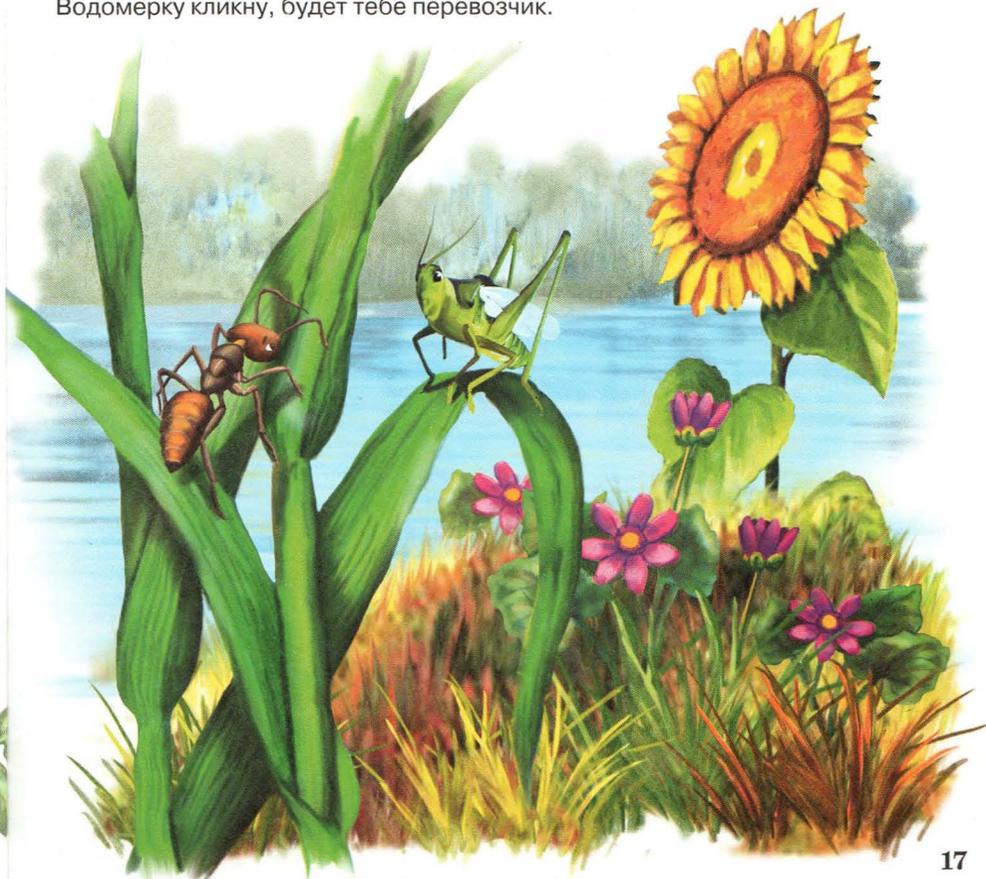
– Стоп! – сказал Кузнечик. – Приехали.

Муравьишка глядит вперёд, а там река: год по ней плыви – не переплывёшь.

А солнце ещё ниже.

Кузнечик говорит:

– Через реку и мне не перескочить. Очень уж широкая. Стой-ка, я Водомерку кликну, будет тебе перевозчик.

Затрещал по-своему, глядь – бежит по воде лодочка на ножках.

Подбежала. Нет, не лодочка, а Водомерка-Клоп.

– Водомер, Водомер, снеси меня домой! У меня ножки болят.

– Ладно, садись, перевезу.

Сел Муравьишка. Водомер подпрыгнул и зашагал по воде, как посуху.

А солнце уж совсем низко.

– Миленький, шибче! – просит Муравьишка. – Меня домой не пустят.

– Можно и пошибче, – говорит Водомер.

Да как припустит. Оттолкнётся, оттолкнётся ножками и катит-скользит по воде, как по льду. Живо на том берегу очутился.

– А по земле не можешь? – спрашивает Муравьишка.

– По земле мне трудно, ноги не скользят. Да и гляди-ка: впереди-то лес. Ищи себе другого коня.

Посмотрел Муравьишка вперёд и видит: стоит над рекой лес высокий, до самого неба. И солнце за ним уже скрылось. Нет, не попасть Муравьишке домой!

– Гляди, – говорит Водомер, – вот тебе и конь ползёт.

Видит Муравьишка: ползёт мимо Майский Хрущ – тяжёлый жук, неуклюжий жук.

Разве на таком коне далеко ускачешь? Все-таки послушался Водомера.

– Хрущ, Хрущ, снеси меня домой! У меня ножки болят.

– А ты где живёшь?

– В муравейнике за лесом.

– Далёконько... Ну что с тобой делать? Садись, довезу.

Полез Муравьишка по жёсткому жучьему боку.

– Сел, что ли?

– Сел.

– А куда сел?

– На спину.

– Эх, глупый! Полезай на голову.

Влез Муравьишка Жуку на голову. И хорошо, что не остался на спине: разломил Жук спину надвое, два жёстких крыла приподнял. Крылья у Жука точно два перевернутых корыта, а из-под них другие крылышки лезут, разворачиваются: тоненькие, прозрачные, шире и длиннее верхних.

Стал Жук пыхтеть, надуваться:

«Уф, уф, уф!»

Будто мотор заводит.

– Дяденька, – просит Муравьишка, – поскорей! Миленький, поживей!

Не отвечает Жук, только пыхтит:

«Уф, уф, уф!»

Вдруг затрепетали тонкие крылышки, заработали. «Жжж! Тук-тук-тук!..» – поднялся Хрущ на воздух. Как пробку, выкинуло его ветром вверх – выше леса.

Муравьишка сверху видит: солнышко уже краем землю зацепило.

Как помчал Хрущ – у Муравьишки даже дух захватило.

«Жжж! Тук-тук-тук!» – несётся Жук, буравит воздух, как пуля.

Мелькнул под ним лес – и пропал.

А вот и берёза знакомая, и муравейник под ней.

Над самой вершиной берёзы выключил Жук мотор и – шлёп! – сел на сук.

– Дяденька, миленький! – взмолился Муравьишка. – А вниз-то мне как? У меня ведь ножки болят, я себе шею сломаю.

Сложил Жук тонкие крылышки вдоль спины. Сверху жёсткими корытцами прикрыл. Кончики тонких крыльев аккуратно под корытца убрал.

Подумал и говорит:

– А уж как тебе вниз спуститься, – не знаю. Я на муравейник не полечу: уж очень больно вы, муравьи, кусаетесь. Добирайся сам, как знаешь.

Глянул Муравьишка вниз, а там, под самой берёзой, его дом родной.

Глянул на солнышко: солнышко уже по пояс в землю ушло.

Глянул вокруг себя: сучья да листья, листья да сучья.

Не попасть Муравьишке домой, хоть вниз головой бросайся!

Вдруг видит: рядом на листке Гусеница Листовёртка сидит, шёлковую нитку из себя тянет, тянет и на сучок мотаает.

– Гусеница, Гусеница, спусти меня домой! Последняя мне минуточка осталась, – не пустят меня домой ночевать.

– Отстань! Видишь, дело делаю: пряжу пряду.

– Все меня жалели, никто не гнал, ты первая!

Не удержался Муравьишка, кинулся на неё да как куснёт!

С перепугу Гусеница лапки поджала да кувырк с листа – и полетела вниз.

А Муравьишка на ней висит – крепко вцепился. Только недолго они падали: что-то их сверху – дёрг!

И закачались они оба на шёлковой ниточке: ниточка-то на сучок была намотана.

Качается Муравьишка на Листовёртке, как на качелях. А ниточка всё длинней, длинней, длинней делается: выматывается у Листовёртки из брюшка, тянется, не рвётся. Муравьишка с Листовёрткой всё ниже, ниже, ниже опускаются.

А внизу, в муравейнике, муравьи хлопчут, спешат, входы-выходы закрывают.

Все закрыли – один, последний, вход остался. Муравьишка с Гусеницы кувырк – и домой.

Тут и солнышко зашло.

Лесные домишки

Высоко над рекой, над крутым обрывом, носились молодые ласточки-береговушки.

Гонялись друг за другом с визгом и писком: играли в пятнашки.

Была в их стае одна маленькая Береговушка, такая проворная: никак её догнать нельзя было – от всех увёртывается.

Погонится за ней пятнашка, а она – туда, сюда, вниз, вверх, в сторону бросится да как пустится лететь – только крылышки мелькают.

Вдруг – откуда ни возьмись – Чеглок-Сокол мчится. Острые изогнутые крылья так и свистят.

Ласточки переполошились: все – врассыпную, кто куда, – мигом разлетелась вся стая.

А проворная Береговушка от него без оглядки за реку, да над лесом, да через озеро!

Очень уж страшная пятнашка Чеглок-Сокол.

Летела, летела Береговушка – из сил выбилась.

Обернулась назад – никого сзади нет. Кругом оглянулась, – а место совсем незнакомое. Посмотрела вниз – внизу река течёт. Только не своя – чужая какая-то.

Испугалась Береговушка.

Дорогу домой она не помнила: где ж ей было запомнить, когда она неслась без памяти от страха?

А уж вечер был – ночь скоро. Как тут быть?

Жутко стало маленькой Береговушке.

Полетела она вниз, села на берегу и горько заплакала.

Вдруг видит: бежит мимо неё по песку жёлтая птичка с чёрным галстуком на шее.

Береговушка обрадовалась, спрашивает у жёлтой птички:

– Скажите, пожалуйста, как мне домой попасть?

– А ты чья? – спрашивает жёлтая птичка у Береговушки.

– Не знаю, – отвечает Береговушка.

– Трудно же будет тебе свой дом разыскать! – говорит жёлтая птичка. – Скоро солнце закатится, темно станет. Оставайся-ка лучше у меня ночевать. Меня зовут Зуёк. А дом у меня вот тут – рядом.

Зуёк пробежал несколько шагов и показал клювом на песок. Потом закланялся, закачался на тоненьких ножках и говорит:

– Вот он, мой дом. Заходи!

Взглянула Береговушка – кругом песок да галька, а дома никакого нет.

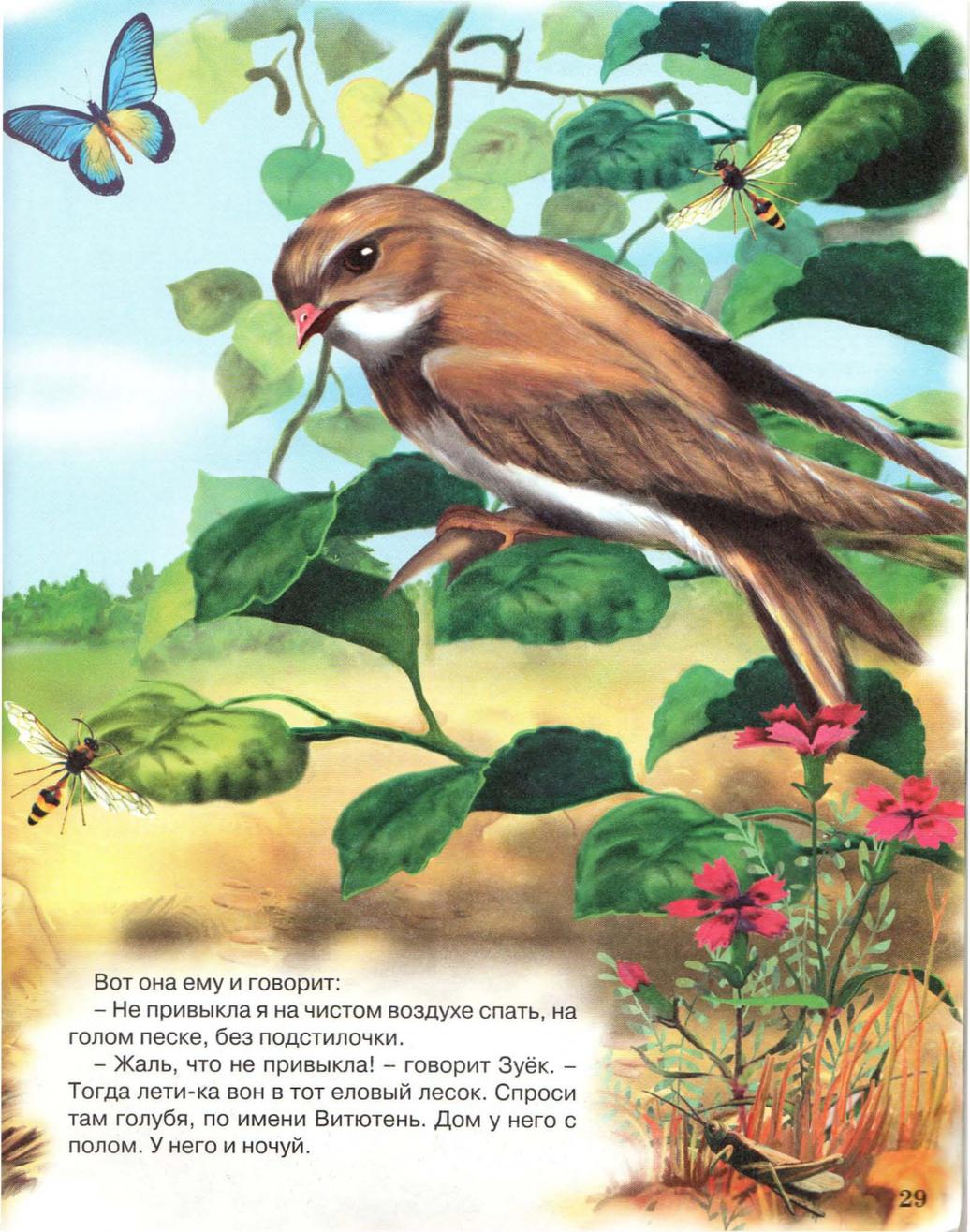
– Неужели не видишь? – удивился Зуёк. – Вот сюда гляди, где между камешками яйца лежат.

Насилу-насилу разглядела Береговушка: четыре яйца в бурых крапинках лежат рядышком прямо на песке среди гальки.

– Ну, что же ты? – спрашивает Зуёк. – Разве тебе не нравится мой дом?

Береговушка не знает, что и сказать: скажешь, что дома у него нет, ещё хозяин обидится.

Вот она ему и говорит:

– Не привыкла я на чистом воздухе спать, на голом песке, без подстилочки.

– Жаль, что не привыкла! – говорит Зуёк. – Тогда лети-ка вон в тот еловый лесок. Спроси там голубя, по имени Витютень. Дом у него с полом. У него и ночуй.

– Вот спасибо! – обрадовалась Береговушка.

И полетела в еловый лесок.

Там она скоро отыскала лесного голубя Витютня и попросилась к нему ночевать.

– Ночуй, если тебе моя хата нравится, – говорит Витютень.

А какая у Витютня хата? Один пол, да и тот, как решето, – весь в дырках.

Просто прутьики на ветви накинаны как попало. На прутьиках белые голубиные яйца лежат. Снизу их видно: просвечивают сквозь дырявый пол.

Удивилась Береговушка.

– У вашего дома, – говорит она Витютню, – один пол, даже стен нет. Как же в нём спать?

– Что же, – говорит Витютень, – если тебе нужен дом со стенами, лети, разыщи Иволгу. У неё тебе понравится.

И Витючень сказал Береговушке адрес Иволги: в роще, на самой красивой берёзе.

Полетела Береговушка в рощу.

А в роще берёзы одна другой красивее. Искала, искала Иволгин дом и вот наконец увидела: висит на берёзовой ветке крошечный лёгкий домик. Такой уютный домик, и похож на розу, сделанную из тонких листков серой бумаги.

«Какой же у Иволги домик маленький! – подумала Береговушка. – Даже мне в нём не поместиться».

Только она хотела постучаться, – вдруг из серого домика вылетели осы. Закружились, зажужжали – сейчас ужалят!

Испугалась Береговушка и скорей улетела прочь.

Мчится среди зелёной листвы.

Вот что-то золотое и чёрное блеснуло у неё перед глазами.

Подлетела ближе, видит: на ветке сидит золотая птица с чёрными крыльями.

– Куда ты спешишь, маленькая? – кричит золотая птица Береговушке.

– Иволгин дом ищу, – отвечает Береговушка.

– Иволга – это я, – говорит золотая птица. – А дом мой вот здесь, на этой красивой берёзе.

Береговушка остановилась и посмотрела, куда Иволга ей показывает.

Сперва она ничего различить не могла: всё только зелёные листья да белые берёзовые ветви. А когда всмотрелась, – так и ахнула.

Высоко над землёй к ветке подвешена лёгкая плетёная корзиночка.

И видит Береговушка, что это и в самом деле домик. Затейливо так свит из пеньки и стбельков, волосков и шерстинок и тонкой берёзовой жожурки.

– Ух! – говорит Береговушка Иволге. – Ни за что не останусь в этой зыбкой постройке! Она качается, и у меня всё перед глазами вертится, кружится...

Того и гляди, её ветром на землю сдует. Да и крыши у вас нет.

Полетела Береговушка к Пеночке.

Жёлтая маленькая Пеночка жила в траве как раз под той самой берёзой, где висела Иволгина воздушная колыбелька.

Береговушке очень понравился её шалашик из сухой травы и мха.

«Вот славно-то! – радовалась она. – Тут и пол, и стены, и крыша, и постелька из мягких перышек! Совсем как у нас дома!»

Ласковая Пеночка стала Береговушку укладывать спать. Вдруг земля под ними задрожала, загудела.

Береговушка встrepенулась, прислушивается, а Пеночка ей говорит:

– Это кони в рощу скачут.

– А выдержит ваша крыша, – спрашивает Береговушка, – если конь на неё копытом ступит?

Пеночка только головой покачала печально и ничего ей на это не ответила.

– Ох, как страшно тут! – сказала Береговушка и вмиг выпорхнула из шалаша.

– Тут я всю ночь глаз не сомкну: всё буду думать, что меня раздавят. У нас дома спокойно: там никто на тебя не наступит и на землю не сбросит.

– Так, верно, у тебя такой дом, как у Чомги, – догадалась Пеночка. – У неё дом не на дереве – ветер его не сдует, да и не на земле – никто не раздавит.

Хочешь, провожу тебя туда?

– Хочу, – говорит Береговушка.

Полетели они к Чомге.

Прилетели на озеро и видят: посреди воды на тростниковом островке сидит большоголовая птица. На голове у птицы перья торчком стоят, словно рожки.

Тут Пеночка с Береговушкой простилась и наказала ей к этой рогатой птице ночевать попроситься.

Полетела Береговушка и села на островок. Сидит и удивляется: островок-то, оказывается, плавучий. Плывёт по озеру куча сухого тростника. Посреди кучи – ямка, а дно ямки мягкой болотной травой устлано. На траве лежат Чомгины яйца, прикрытые лёгкими сухими тростиночками.

А сама Чомга рогатая сидит на островке с краешка, разъезжает на своём судёнышке по всему озеру.

Береговушка рассказала Чомге, как она искала и не могла найти себе ночлега, и попросилась ночевать.

– А ты не боишься спать на волнах? – спрашивает её Чомга.

– А разве ваш дом не пристанет на ночь к берегу?

– Мой дом – не пароход, – говорит Чомга. – Куда ветер гонит его, туда он и плывёт. Так и будем всю ночь на волнах качаться.

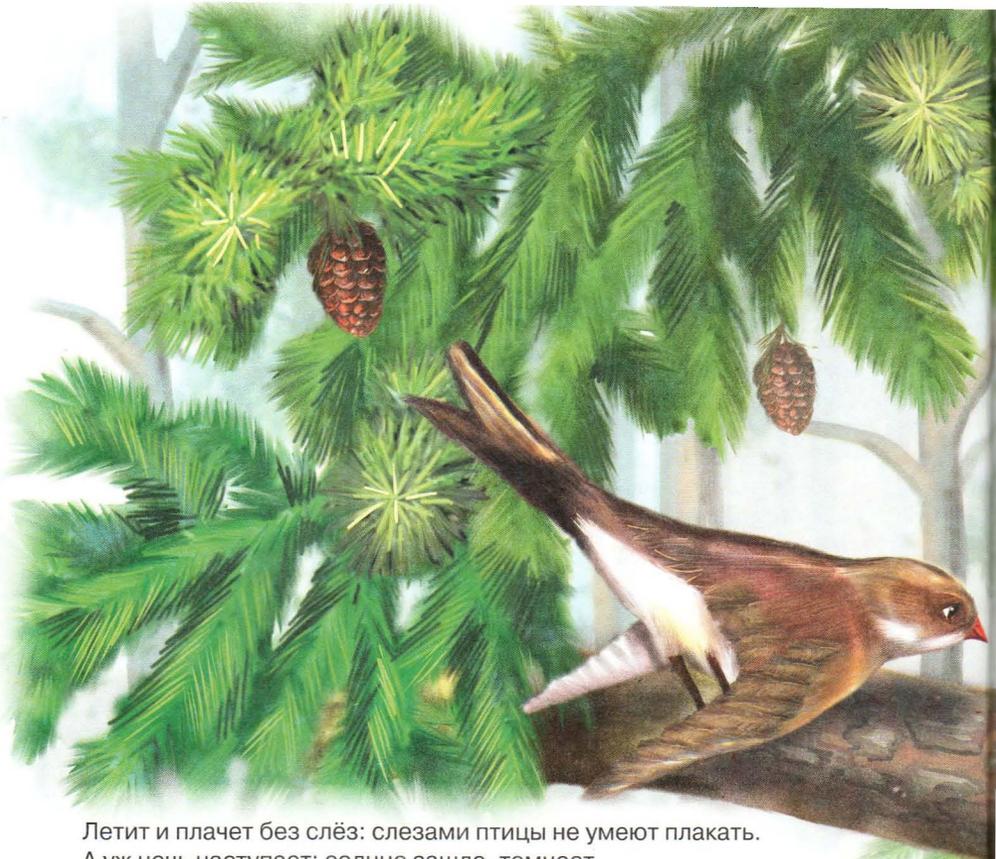
– Боюсь... – прошептала Береговушка. – Домой хочу, к маме...

Чомга рассердилась.

– Вот, – говорит, – какая привередливая! Никак на тебя не угодишь! Лети-ка, поищи сама себе дом, какой нравится.

Прогнала Чомга Береговушку, та и полетела.

Летит и плачет без слёз: слезами птицы не умеют плакать.

А уж ночь наступает: солнце зашло, темнеет.

Залетела Береговушка в густой лес, смотрит: на высокой ели, на толстом суку, выстроен дом.

Весь из сучьев, из палок, круглый, а изнутри мох торчит тёплый, мягкий.

«Вот хороший дом, – думает она, – прочный и с крышей».

Подлетела маленькая Береговушка к большому дому, постучала клювиком в стенку и просит жалобным голоском:

– Впустите, пожалуйста, хозяйюшка, переночевать!

А из дома вдруг как высунется рыжая звериная морда с оттопыренными усами, с жёлтыми зубами. Да как зарычит страшилище:

– С каких это пор птицы по ночам стучат, ночевать просят к белкам в дом?

Обмерла Береговушка, – сердце камнем упало. Отшатнулась, взвилась над лесом да стремглав, без оглядки, наутёк!

Летела, летела – из сил выбилась. Обернулась назад – никого сзади нет. Кругом оглянулась, – а место знакомое. Посмотрела вниз – внизу река течёт. Своя река, родная! Стрелой бросилась вниз к речке, а оттуда – вверх, под самый обрыв крутого берега.

И пропала.

А в обрыве – дырки, дырки, дырки. Это всё ласточкины норки. В одну из них и юркнула Береговушка. Юркнула и побежала по длинному-длинному, узкому-узкому коридору.

Добежала до его конца и впорхнула в просторную круглую комнату.

Тут уже давно ждала её мама.

Сладко спалось в ту ночь усталой маленькой Береговушке у себя на мягкой тёплой постельке из травинок, конского волоса и перьев...

Покойной ночи!

Красная

горка

Чик был молодой красноголовый воробей. Когда ему исполнился год от рождения, он женился на Чирике и решил зажить своим домком.

– Чик, – сказала Чирика на воробьином языке, – Чик, а где же мы устроим себе гнездо? Ведь все дупла в нашем саду уже заняты.

– Эка штука! – ответил Чик, тоже, конечно, по-воробьиному. – Ну, выгоним соседей из дому и займём их дупло.

Он очень любил драться и обрадовался такому удобному случаю показать Чирике свою удаль. И, раньше чем робкая Чирика успела его остановить, он сорвался с ветки и помчался к большой рябине с дуплом. Там жил его сосед – такой же молодой воробей, как Чик.

Хозяина около дома не было.

«Заберусь в дупло, – решил Чик, – а когда прилетит хозяин, буду кричать, что он хочет отбить у меня дом. Слетятся старики – и вот зададим соседу!»

Он и забыл совсем, что сосед женат и жена его уже пятый день мастерит гнездо в дупле.

Только Чик просунул в дырку голову, – рраз! – кто-то больно щёлкнул его по носу.

Пискнул Чик и отскочил от дупла. А сзади уже мчался на него сосед. С криком сшиблись они в воздухе, упали на землю, сцепились и покатались в канаву.

Чик дрался на славу, и соседу его приходилось уже плохо. Но на шум драки со всего сада слетелись старики воробьи. Они сейчас же разобрали, кто прав, кто виноват, и задали Чикую такую встрёпку, что он не помнил, как и вырвался от них.

В себя пришёл Чик в каких-то кустах, где прежде ему никогда не случалось бывать.

Все косточки у него ныли.

Рядом с ним сидела перепуганная Чирика.

– Чик! – сказала она так грустно, что он, верно бы, расплакался, если бы только воробьи умели плакать. – Чик, мы теперь никогда больше не вернёмся в родной сад! Где мы выведем теперь детей?

Чик и сам понимал, что ему нельзя больше попадаться на глаза старикам воробьям, они забудут его насмерть. Всё-таки он не хотел показать Чирике, что трусит. Поправил клювом свои растрёпанные пёрышки, немножко отдышался и сказал беспечно:

– Эка штука! Найдём себе другое место, ещё получше.

И они отправились куда глаза глядят – искать себе новое место для житья.

Только вылетели они из кустов, как очутились на берегу весёлой голубой реки.

За рекой поднималась высокая-высокая гора из красной глины и песка. Под самой вершиной обрыва виднелось множество дырок и норок. У больших дырок сидели парочками галки и рыжие соколки-пустельги; из маленьких норок то и дело вылетали быстрые ласточки-береговушки. Целая стая их лёгкой тучкой носилась над обрывом.

– Смотри, как у них весело! – сказала Чирика. – Давай и мы устроим себе гнездо на Красной горке.

Чик с опаской поглядел на соколов и галок. Он думал: «Хорошо береговушкам: они сами копают себе норки в песке. А мне чужое гнездо отбивать?» И снова у него заняли сразу все косточки.

– Нет, – сказал он, – тут мне не нравится: такой шум, прямо оглохнуть можно.

И они полетели дальше. Дальше была роща, а за рощей – домик с дощатым сараем.

Чик и Чирика опустились на крышу сарая. Чик сразу заметил, что тут нет ни воробьев, ни ласточек.

– Вот где житьё-то! – радостно сказал он Чирике. – Гляди, сколько разбросано по двору зерна и крошек. Мы будем тут одни и никого к себе не пустим.

– Чш! – шикнула Чирика. – Смотри, какое страшилище там, на крыльце.

И правда: на крыльце спал толстый Рыжий Кот.

– Эка штука! – храбро сказал Чик. – Что он нам сделает? Гляди, вот как я его сейчас!..

Он слетел с крыши и так стремительно понёсся на Кота, что Чирика даже вскрикнула.

Но Чик ловко подхватил у Кота из-под носа хлебную крошку и – раз-раз! – опять уже был на крыше.

Кот даже не шевельнулся, только приоткрыл один глаз и зорко поглядел на забияку.

– Видела? – хвастал Чик. – А ты боишься!

Чирика не стала с ним спорить, и оба принялись искать удобное место для гнезда.

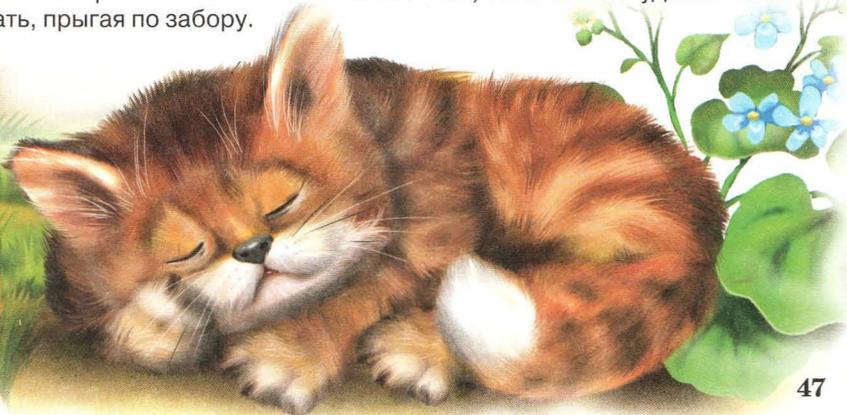
Выбрали широкую щель под крышей сарая.

Сюда принялись они таскать сначала солому, потом конский волос, пух и перья.

Не прошло и недели, как Чирика положила в гнездо первое яичко – маленькое, всё в розовато-бурых пестринках. Чик был так рад ему, что сложил даже песенку в честь своей жены и себя самого:

– Чирик, Чик-чик,
Чирик, Чик-чик,
Чики-чики-чики-чики,
Чики, Чик, Чирик!

Песенка эта решительно ничего не значила, зато её так удобно было распевать, прыгая по забору.

Когда в гнезде стало шесть яиц, Чирика села их высидывать.

Чик полетел собирать для неё червячков и мух, потому что теперь её надо было кормить нежной пищей. Он замешкался немного, и Чирике захотелось поглядеть, где он.

Только она высунула нос из щели, как с крыши протянулась за ней рыжая лапа с растопыренными когтями. Рванулась Чирика – и целый пучок перьев оставила в когтях у Кота. Ещё чуть-чуть – и была бы её песенка спета.

Кот проводил её глазами, запустил в щель лапу и выволок разом всё гнездо – целый ком соломы, перьев и пуха. Напрасно кричала Чирика, напрасно подоспевший Чик смело кидался на Кота, – никто не пришёл им на помощь.

Рыжий разбойник преспокойно съел все шесть их драгоценных яиц. Ветер поднял пустое лёгкое гнездо и скинул его с крыши на землю.

В тот же день воробьи навсегда покинули сарай и переселились в рощу, подальше от Рыжего Кота.

В роще им скоро посчастливилось найти свободное дупло. Они снова принялись таскать солому и целую неделю трудились, строили гнездо.

В соседях у них жили толстоклювый Зяблик с Зяблихой, пёстрые Мухолов с Мухоловкой и франтоватый Щегол со Щеглихой. У каждой пары был свой дом, пищи хватало всем, но Чик успел уже подражаться с соседями – просто так, чтобы показать им, какой он храбрый и сильный.

Только Зяблик оказался посильней его и хорошо потрепал забияку. Тогда Чик стал осторожней. Он уже не лез в драку, а только топорщил перья и задиристо чирикал, когда мимо пролетал кто-нибудь из соседей.

За это соседи на него не сердились: они и сами любили похвастать перед другими своей силой и удалью.

Жили спокойно, пока вдруг не стряслась беда.

Первый поднял тревогу Зяблик. Он жил дальше других от воробьёв, но Чик услышал его громкое тревожное: рюм-пиньк-пиньк! рюм-пиньк-пиньк!

– Скорей, скорей! – крикнул Чик Чирике. – Слышишь: Зяблик запинькал – опасность!

И правда: кто-то страшный к ним приближался. После Зяблика закричал Щегол, а там и Пёстрый Мухолов. Мухолов жил всего за четыре дерева от воробьёв. Если уж он увидел врага, – значит, враг был совсем близко.

Чирика вылетела из дупла и села на ветку рядом с Чиком. Соседи предупредили их об опасности, они приготовились встретить её лицом к лицу.

В кустах мелькнула пушистая рыжая шерсть, и лютый враг их – Кот – вышел на открытое место. Он видел, что соседи уже выдали его воробьям и ему теперь не поймать Чирику в гнезде. Он злился.

Вдруг кончик его хвоста зашевелился в траве, глаза прищурились: Кот увидел дупло. Что же, ведь и полдюжины воробьиных яиц – неплохой завтрак. И Кот облизнулся. Он вскарабкался на дерево и запустил в дупло лапу.

Чик и Чирика подняли крик на всю рощу.

Но и тут никто не пришёл к ним на помощь. Соседи сидели по своим местам и громко кричали от страха. Каждая пара боялась за свой дом.

Кот зацепил когтями гнездо и вытащил его из дупла.

Но в этот раз он пришёл слишком рано: яиц в гнезде не оказалось, сколько он ни искал.

Тогда он кинул гнездо и сам спустился на землю. Воробьи провожали его криком.

У самых кустов Кот остановился и обернулся к ним с таким видом, точно хотел сказать:

«Погодите, миленькие, погодите! Никуда вы от меня не денетесь! Устраивайте себе новое гнездо где хотите, выводите птенцов, а я приду и слопаю их, да и вас заодно».

И он так грозно фыркнул, что Чирика вздрогнула от страха.

Кот ушёл, а Чик с Чирикой остались горевать у разорённого гнезда.

Наконец Чирика сказала:

– Чик, ведь через несколько дней у меня непременно будет новое яичко. Летим скорей, найдём себе местечко где-нибудь за рекой. Там уж Кот не достанет нас.

Она и не знала, что через реку есть мост и что Кот частенько хаживает по этому мосту. Чик этого тоже не знал.

– Летим, – согласился он.

И они полетели.

Скоро очутились они под самой Красной горкой.

– К нам, к нам летите! – кричали им береговушки на своём, на ласточкином, языке. – У нас на Красной горке жизнь дружное, весёлое.

– Да, – крикнул им Чик, – а сами драться будете!

– Зачем нам драться? – отвечали береговушки. – У нас над рекой мошек на всех хватает, у нас на Красной горке пустых норк много – выбирай любую.

– А пустельги? А галки? – не унимался Чик.

– Пустельги ловят себе в полях кузнечиков и мышей. Нас они не трогают. Мы все в дружбе.

И Чирика сказала:

– Летали мы с тобой, Чик, летали, а краше этого места не видели. Давай тут жить.

– Что ж, – сдался Чик, – раз норки у них есть свободные и драться никто не будет, можно попробовать.

Подлетели они к горе, и верно: ни пустельги их не тронули, ни галки.

Стали норку себе по вкусу выбирать: чтобы и не очень глубокая была, и вход пошире. Нашлись такие две рядом.

В одной они гнездо выстроили, и Чирика высидывать села, в другой Чик ночевал.

Чик с нетерпением ждал птенцов. Каждый раз, как притаскивал он Чирике червяка или муху, он спрашивал её:

– Тукают?

– Нет, ещё не тукают.

– А скоро будут?

– Скоро, скоро, – терпеливо отвечала Чирика.

Однажды утром Чирика позвала его из норки:

– Лети скорей: один тукнул!

Чик сейчас же примчался в гнездо. Тут он услышал, как в одном яйце птенчик чуть слышно тукнул в скорлупу слабым клювиком. Чирика осторожно помогла ему: надломил скорлупку в разных местах.

Прошло несколько минут, и птенчик показался из яйца – крошечный, голый, слепой. На тоненькой шейке моталась большая голая голова.

– Да какой он смешной! – удивился Чик.

– Совсем не смешной! – обиделась Чирика. – Очень хорошенький птенчик. А тебе нечего тут делать, бери вот скорлупки да закинь их куда-нибудь подальше от гнезда.

Пока Чик относил скорлупки, выклевался второй птенчик, и начал постукивать третий.

Вот тут-то и началась тревога на Красной горке.

Из своей норки воробьи услышали, как пронзительно вдруг закричали ласточки.

Чик выскочил наружу и сейчас же вернулся с известием, что Рыжий Кот карабкается по обрыву.

– Он видел меня! – кричал Чик. – Он сейчас будет здесь и вытащит нас вместе с птенцами. Скорей, скорей летим прочь отсюда!

– Нет, – грустно ответила Чирика. – Никуда я не полечу от маленьких моих птенчиков. Пусть будет, что будет.

И сколько ни звал Чик, она и с места не тронулась.

Тогда Чик вылетел из норки и стал, как сумасшедший, кидаться на Кота.

А Кот лез и лез по обрыву. Тучей вились над ним ласточки, с криком летели на выручку к ним галки и пустельги.

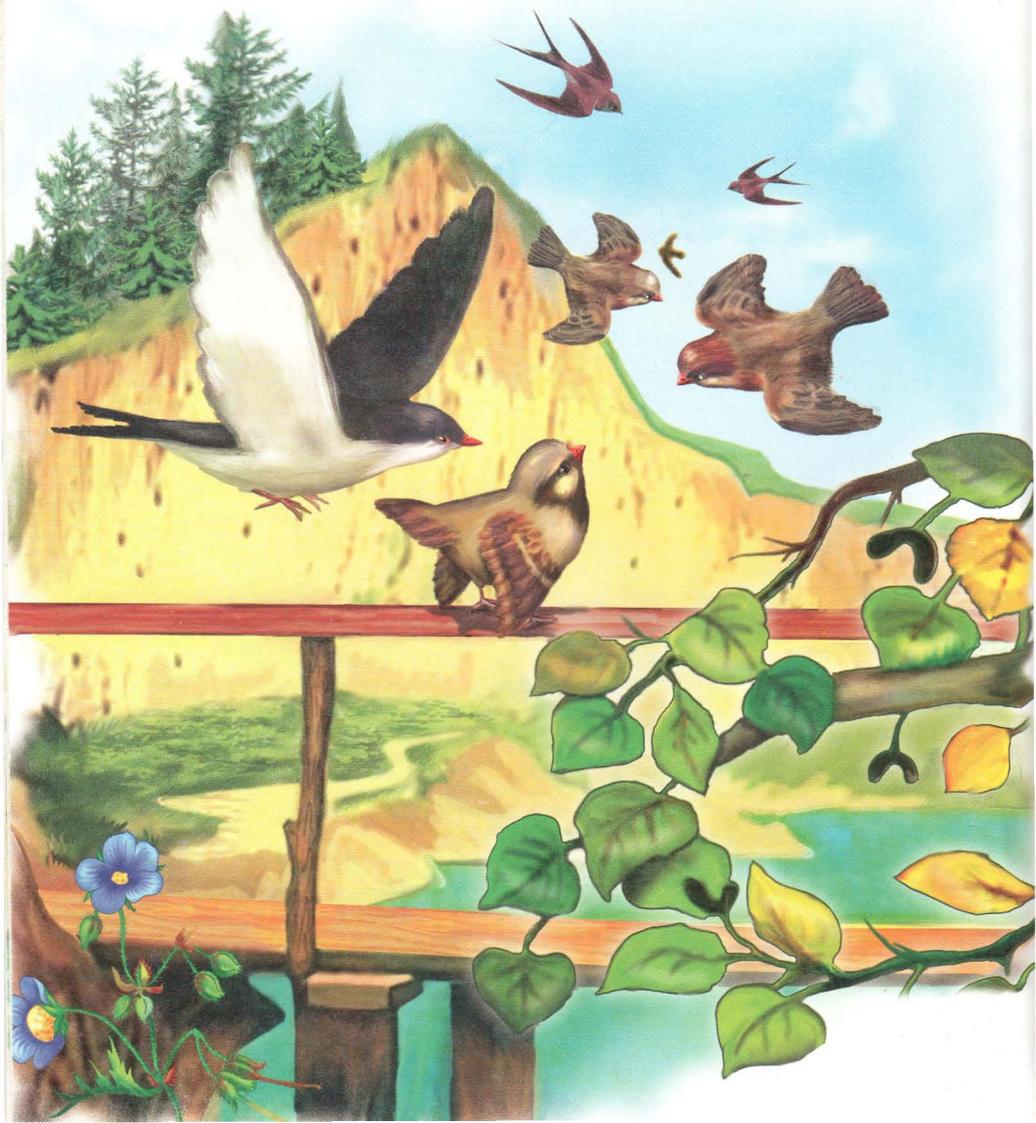

Птицам стало уже не видно, где Кот: с обрыва несло только облако красной пыли. Плюх! – и облако остановилось над водой. Когда оно рассеялось, птицы увидели мокрую кошачью голову посредине реки, а сзади поспевал Чик и клевал Кота в затылок.

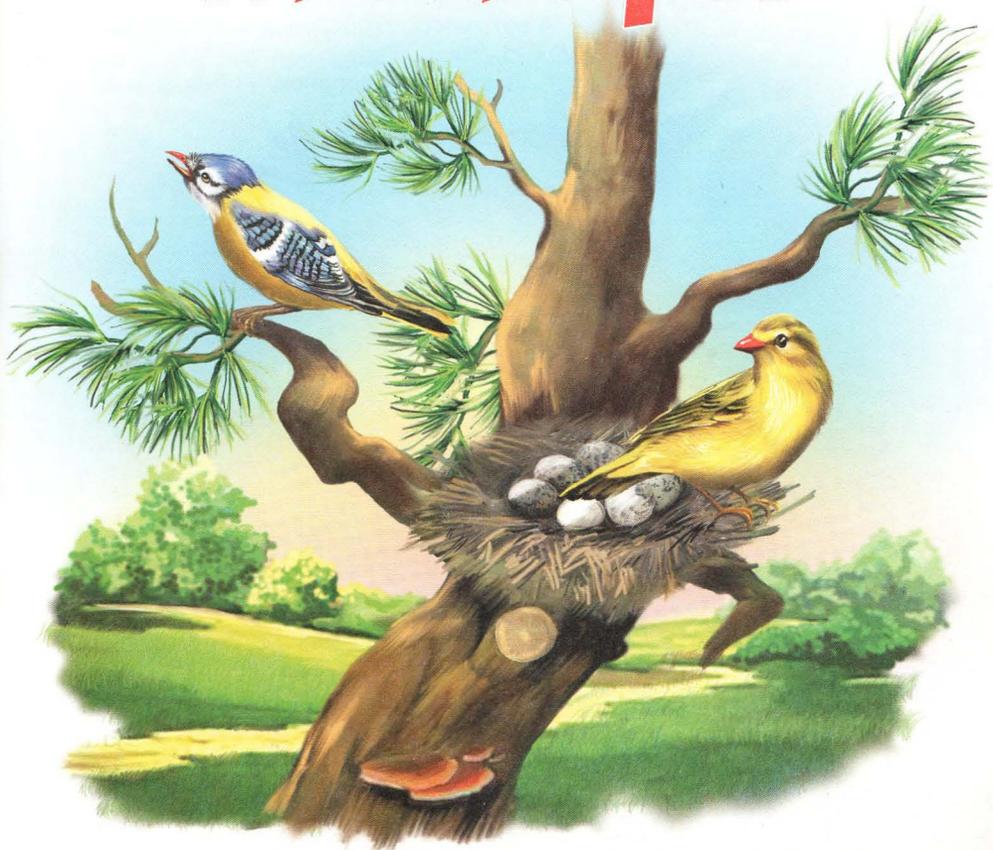
Кот переплыл реку и выбрался на берег. Чик и тут от него не отставал. Кот был так напуган, что не посмел схватить его, задрал мокрый хвост и галопом помчался домой...

С той поры ни разу не видели на Красной горке Рыжего Кота.
Чирика спокойно вывела шестерых птенцов, а немного погодя и ещё шестерых, и все они остались жить в свободных ласточкиных гнёздах.
А Чик перестал задирать соседей и крепко подружился с ласточками.

Мастера без монора

Загадали мне загадку: «Без рук, без топорёнка построена избёнка». Что такое?

Оказывается, – птичье гнездо.

Поглядел я, – верно! Вот сорочье гнездо: как из брёвен, всё из сучьев сложено, пол глиной вымазан, соломкой устлан, посередке вход; крыша из веток. Чем не избёнка? А топора сорока никогда и в лапках не держала.

Крепко тут пожалел я птицу: трудно, ох как трудно, поди, им, горемычным, свои жилища без рук, без топорёнка строить! Стал я думать: как тут быть, как их горю пособить?

Рук им не приделаешь.

А вот топор... Топорёнок для них достать можно.

Достал я топорёнок, побежал в сад.

Глядь – козодой-полуночник на земле между кочек сидит. Я к нему:

– Козодой, козодой, трудно тебе гнёзда вить без рук, без топорёнка?

– А я и не вью гнёзда! – говорит козодой. – Глянь, где яйца высиживаю.

Вспорхнул козодой, – а под ним ямка между кочек. А в ямке два красивых мраморных яичка лежат.

«Ну, – думаю про себя, – этому ни рук, ни топорёнка не надо. Сумел и без них устроиться».

Побежал дальше.

Выбежал на речку. Глядь – там по веткам, по кусточкам ремез-синичка скачет, тоненьким своим носиком с ивы пух собирает.

– На что тебе пух, ремез? – спрашиваю.

– Гнездо из него делаю, – говорит. – Гнездо у меня пуховое, мягкое, что твоя варежка.

«Ну, – думаю про себя, – этому топорёнок тоже ни к чему – пух собирать...»

Побежал дальше.

Прибежал к дому. Глядь, под коньком ласточка-касаточка хлопочет – гнёздышко лепит. Носиком глинку приминает, носиком её на речке колукает, носиком носит.

«Ну, – думаю, – и тут мой топорёнок ни при чём. И показывать его не стоит».

Побежал дальше.

Прибежал в рощу. Глядь, там на ёлке певчего дрозда гнездо. Загляденье, что за гнёздышко: снаружи всё зелёным мхом украшено, внутри – как чашечка гладкое.

– Ты как такое себе гнёздышко смастерил? – спрашиваю. – Ты чем его внутри так хорошо отделал?

– Лапками да носом мастерил, – отвечает певчий дрозд. – Внутри всё цементом обмазал из древесной трухи со слюной со своей.

«Ну, – думаю, – опять я не туда попал. Надо таких искать птиц, что плотничают».

И слышу: «Ту-тук-тук-тук! Тук-тук-тук-тук!» – из лесу.

Я туда. А там дятел.

Сидит на берёзе и плотничает, дупло себе делает – детей выводить.

Я к нему:

– Дятел, дятел, стой носом тукать! Давно, поди, голова разболелась. Гляди, какой я тебе инструмент принёс: настоящий топорёнок!

Поглядел дятел на топорёнок и говорит:

– Спасибо, только мне твой инструмент ни к чему. Мне и так плотничать ладно: лапками держусь, на хвост обопрусь, пополам согнусь, головой размахнусь, – носом ка-ак стукну! Только щепки летят да труха!

Смутил меня дятел: птицы-то, видно, все – мастера без топора.

Тут увидел я гнездо орла. Большущая куча толстых сучьев на самой высокой сосне в лесу.

«Вот, – думаю, кому топор-то нужен: сучья рубить!»

Подбежал к той сосне, кричу:

– Орёл, орёл! А я тебе топорёнок принёс!

Рознял орёл крылья и клекочет:

– Вот спасибо, парнишка! Кинь свой топорёнок в кучу. Я сучков на него ещё навалю – прочная будет постройка, доброе гнездо.

Синичкин

календарь

ЯНВАРЬ

Зинька была молодая синичка, и своего гнезда у неё не было. Целый день она перелетала с места на место, прыгала по заборам, по ветвям, по крышам, – синицы народ бойкий. А к вечеру присмотрит себе пустое дупло или щелку какую под крышей, забьётся туда, распушит попышней свои пёрышки, – кое-как и переспит ночку.

Но раз – среди зимы – посчастливилось ей найти свободное воробьиное гнездо. Помещалось оно над окном за оконницей. Внутри была целая перина мягкого пуха.

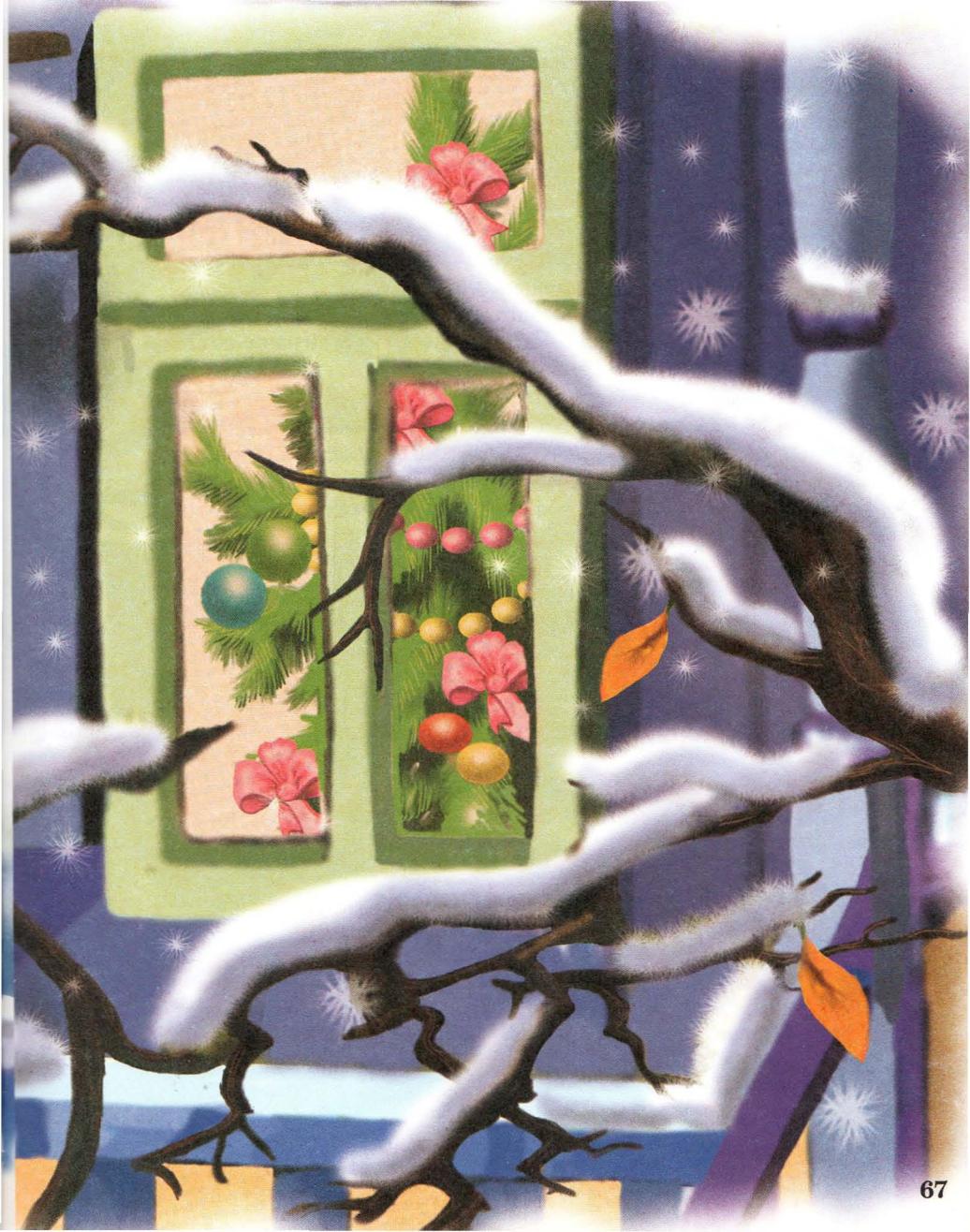
И в первый раз, как вылетела из родного гнезда, Зинька заснула в тепле и покое. Вдруг ночью её разбудил сильный шум. Шумели в доме, из окна бил яркий свет. Синичка испугалась, выскочила из гнезда и, уцепившись коготками за раму, заглянула в окно.

Там в комнате стояла большая – под самый потолок ёлка, вся в огнях, и в снегу, и в игрушках. Вокруг неё прыгали и кричали дети.

Зинька никогда раньше не видела, чтобы люди так вели себя по ночам.

Ведь она родилась только прошлым летом и многого ещё на свете не знала.

Заснула она далеко за полночь, когда люди в доме наконец успокоились и в окне погас свет.

А утром Зиньку разбудил весёлый, громкий крик воробьёв. Она вылетела из гнезда и спросила их:

– Вы что, воробьи, раскричались? И люди сегодня всю ночь шумели, спать не давали. Что такое случилось?

– Как? – удивились воробьи. – Разве ты не знаешь, какой сегодня день? Ведь сегодня Новый год, вот все и радуются – и люди, и мы.

– Как это – Новый год? – не поняла синичка.

– Ах ты, желторотая! – зачирикали воробьи. – Да ведь это самый большой праздник в году! Солнце возвращается к нам и начинает свой календарь. Сегодня первый день января.

– А что это – «январь», «календарь»?

– Фу, какая ты ещё маленькая! – возмутились воробьи. – Календарь – это расписание работы солнышка на весь год. Год состоит из месяцев, и январь – его первый месяц, носик года. За ним идут ещё десять месяцев – столько, сколько у тебя пальцев на лапках: февраль, март, апрель, май, июнь, июль, август, сентябрь, октябрь, ноябрь. А самый последний месяц, двенадцатый, хвостик года, – декабрь. Запомнила?

– Не-ет, – сказала синичка. – Где же сразу столько запомнить! «Носик», «десять пальцев» и «хвостик» запомнила. А называются они все уж больно мудрёно.

– Слушай меня, – сказал тогда Старый Воробей. – Ты летай себе по садам, полям и лесам, летай да присматривайся, что кругом делается. А как услышишь, что месяц кончается, прилетай ко мне. Я тут живу, на этом доме под крышей. Я буду тебе говорить, как каждый месяц называется. Ты все их по очереди и запомнишь.

– Вот спасибо! – обрадовалась Зинька. – Непременно буду прилетать к тебе каждый месяц. До свиданья!

И она полетела, – и летала целых тридцать дней, а на тридцать первый вернулась и рассказала Старому Воробью всё, что заметила. И Старый Воробей сказал ей:

– Ну вот, запомни: январь – первый месяц года – начинается с весёлой ёлки у ребят. Солнце с каждым днём понемножечку начинает вставать раньше и ложиться позже. Свету день ото дня прибывает, а мороз всё крепчает. Небо всё в тучах. А когда проглянет солнышко, тебе, синичке, хочется петь. И ты тихонько пробуешь голос: «Зинь-зинь-тю! Зинь-зинь-тю!»

ФЕВРАЛЬ

Опять выглянуло солнышко, да такое весёлое, яркое. Оно даже пригрело немножко, с крыш повисли сосульки, и по ним заструилась вода.

«Вот и весна начинается», – решила Зинька. Обрадовалась и запела звонко:

– Зинь-зинь-тан! Зинь-зинь-тан! Скинь кафтан!

– Рано, пташечка, запела, – сказал ей Старый Воробей. – Смотри ещё сколько морозу будет. Ещё наплачемся.

– Ну да! – не поверила синичка. – Полечу-ка нынче в лес, узнаю, какие там новости.

И полетела.

В лесу ей очень понравилось: такое множество деревьев! Ничего, что все ветки залеплены снегом, а на широких лапах ёлок навалены целые сугробики. Это даже очень красиво. А прыгнешь на ветку – снег так и сыплется и сверкает разноцветными искрами.

Зинька прыгала по веткам, стряхивала с них снег и осматривала кору. Глазок у неё острый, бойкий – ни одной трещинки не пропустит. Зинька тюк острым носиком в трещинку, раздолбит дырочку пошире – и тащит из-под коры какого-нибудь насекомышы-букарашку.

Много насекомых набивается на зиму под кору – от холода прячутся. Вытащит и съест. Так кормится. А сама примечает, что кругом. Смотрит: лесная Мышь из-под снега выскочила. Дрожит, вся взерошилась.

– Ты чего? – Зинька спрашивает.

– Фу, напугалась! – говорит Лесная Мышь.

Отдышалась и рассказывает:

– Бегала я в куче хвороста под снегом, да вдруг и провалилась в глубокую яму. А это, оказывается, Медведицына берлога. Лежит в ней Медведица, и два махоньких новорожденных медвежонка у неё. Хорошо, что они крепко спали, меня не заметили.

Полетела Зинька дальше в лес. Дятла встретила, красношопочника.

Подружилась с ним. Он своим крепким гранёным носом большие куски коры ломает, жирных личинок достаёт. Синичке после него тоже кое-что перепадает.

Летает Зинька за дятлом, весёлым колокольчиком звенит по лесу:

– Каждый день всё светлей, всё веселей, всё веселей!

Вдруг зашипело вокруг, побежала по лесу поземка, загудел лес, и стало в нём темно, как вечером. Откуда ни возьмись, налетел ветер, деревья закачались, полетели сугробики с еловых лап, снег посыпал, завился – началась пурга.

Зинька присмирела, сжалась в комочек, а ветер так и рвёт её с ветки, перья ерошит и леденит под ними тельце.

Хорошо, что дятел пустил её в своё запасное дупло, а то пропала бы Синичка.

День и ночь бушевала пурга, а когда улеглась и Зинька выглянула из дупла, она не узнала леса, так он весь был залеплен снегом. Голодные волки промелькнули между деревьями, увязая по брюхо в рыхлом снегу. Внизу под деревьями валялись обломанные ветром сучья, чёрные, с содранной корой.

Зинька слетела на один из них – поискать под корой насекомышей.

Вдруг из-под снега – зверь! Выпрыгнул и сел. Сам весь белый, уши с чёрными точками держит торчком. Сидит столбиком, глаза на Зиньку выпучил.

У Зиньки от страха и крылышки отнялись.

– Ты кто? – пискнула.

– Я беляк. Заяц я. А ты кто?

– Ах, заяц! – обрадовалась Зинька. – Тогда я тебя не боюсь. Я Синичка.

Она хоть раньше зайцев в глаза не видала, но слышала, что они птиц не едят и сами всех боятся.

– Ты тут и живёшь, на земле? – спросила Зинька.

– Тут и живу.

– Да ведь тебя тут совсем занесёт снегом!

– А я и рад. Пурга все следы замела и меня занесла, – вот волки рядом пробежали, а меня и не нашли.

Подружилась Зинька и с Зайцем.

Так и прожила в лесу целый месяц, и всё было: то снег, то пурга, а то и солнышко выглянет, – денёк простоит погожий, но всё равно холодно.

Прилетела к Старому Воробью, рассказала ему всё, что заметила, он и говорит:

– Запоминай: вьюги да метели под февраль полетели. В феврале лютуют волки, а у Медведицы в берлоге медвежатки родятся. Солнышко веселей светит и дольше, а морозы ещё крепкие. А теперь лети в поле.

МАРТ

Полетела Зинька в поле.

Синичке ведь где хочешь жить можно: были бы хоть кустики, а уж она себя прокормит.

В поле, в кустах, жили серые куропатки – красивые такие полевые курочки с шоколадной подковкой на груди. Целая стая их тут жила, зёрна из-под снега выкапывала.

– А где же тут спать? – спросила у них Зинька.

– А ты делай, как мы, – говорят куропатки. – Вот гляди.

Поднялись все на крылья, разлетелись пошибче – да бух с разлёту в снег! Снег сыпучий – обсыпался и прикрыл их. И сверху их никто не увидит, и тепло им там, на земле, под снегом.

«Ну нет, – думает Зинька, – синички так не умеют. Поищу себе получше ночлега».

Нашла в кустах кем-то брошенную плетёную корзиночку, забралась в неё да и заснула там.

И хорошо, что так сделала.

День-то простоял солнечный. Снег наверху подтаял, рыхлый стал.

А ночью мороз ударил.

Утром проснулась Зинька, глядит – где же куропатки! Нигде их не видно. А там, где они вечером в снег нырнули, наст блестит – ледяная корка.

Поняла Зинька, в какую беду попали куропатки: сидят теперь, как в тюрьме, под ледяной крышей, и выйти не могут. Пропадут там под ней все до одной! Что тут делать? Да ведь синички – боевой народ.

Зинька слетела на наст – и давай долбить его крепким своим, острым носиком.

И продолбила – большую дырку сделала. И выпустила куропаток из тюрьмы.

Вот уж они её хвалили, благодарили!

Натаскали ей зёрен, семечек разных.

– Живи с нами, никуда не улетай!

Она и жила. А солнце день ото дня ярче, день ото дня жарче. Тает, тает в поле снег. И уж так его мало осталось, что больше не ночевать в нём куропаткам: мелок стал. Перебрались куропатки в кустарник спать, под Зинькиной корзинкой.

И вот, наконец, в поле на пригорках показалась земля. И как же все ей обрадовались!

Тут не прошло и трёх дней – откуда ни возьмись, уж сидят на проталинах чёрные, с белыми носами грачи.

– Здравствуйте! С прибытием!

Ходят важные, тугим пером поблёскивают, носами землю ковыряют: червячков да личинок из неё потаскивают.

А скоро за ними и жаворонки и скворцы прилетели, песнями залились. Зинька с радости звенит-захлёбывается:

– Зинь-зинь-на! Зинь-зинь-на! К нам весна! К нам весна! К нам весна!

Так с этой песенкой и прилетела к Старому Воробью. И он ей сказал:

– Да. Это месяц март. Прилетели грачи – значит, правда весна началась. Весна начинается в поле. Теперь лети на реку.

АПРЕЛЬ

Полетела Зинька на реку.

Летит над полем, летит над лугом, слышит: всюду ручьи поют. Поют ручьи, бегут ручьи – все к реке собираются.

Прилетела на реку, а река страшная: лёд на ней посинел, у берегов вода выступает.

Видит Зинька: что ни день, то больше ручьёв бежит к реке.

Проберётся ручей по овражку незаметно под снегом и с берега – прыг! – в реку.

И скоро многое множество ручьёв, ручейков и ручьишек набилось в реку – под лед попрятались.

Тут прилетела тоненькая чёрно-белая птичка, бегаёт по берегу, длинным хвостиком покачивает, пицтит:

– Пи-лик! Пи-лик!

– Ты что пищишь! – спрашивает Зинька. – Что хвостиком размахиваешь?

– Пи-лик! – отвечает тоненькая птичка. – Разве ты не знаешь, как меня зовут? Ледоломка. Вот сейчас раскачаю хвост, да как тресну им по льду, так лёд и лопнет, и река пойдёт.

– Ну да! – не поверила Зинька. – Хвастаешь.

– Ах так! – говорит тоненькая птичка. – Пи-лик!

И давай ещё пуще хвостик раскачивать.

Тут вдруг как бухнет где-то вверху по реке, будто из пушки! Ледоломка порх – и с перепугу так крылышками замахала, что в одну минуту из глаз пропала.

И видит Зинька: треснул лёд, как стекло. Это ручьи – все, что набежали в реку, – как понатужились, нажали снизу – лёд и лопнул. Лопнул и распался на льдины, большие и малые.

Река пошла. Пошла и пошла, – и уж никому её не остановить. Закачались на ней льдины, поплыли, бегут, друг друга кружат, а тех, что сбоку, на берег выталкивают.

Тут сейчас же и всякая водяная птица налетела, точно где-то здесь, рядом, за углом ждала: утки, чайки, кулики-долгоножки. И, глядь, Ледоломка вернулась, по берегу ножонками семенит, хвостом качает.

Все пищат, кричат, веселятся. Кто рыбку ловит, ныряет за ней в воду, кто носом в тину тыкает, ищет там что-то, кто мушек над берегом ловит.

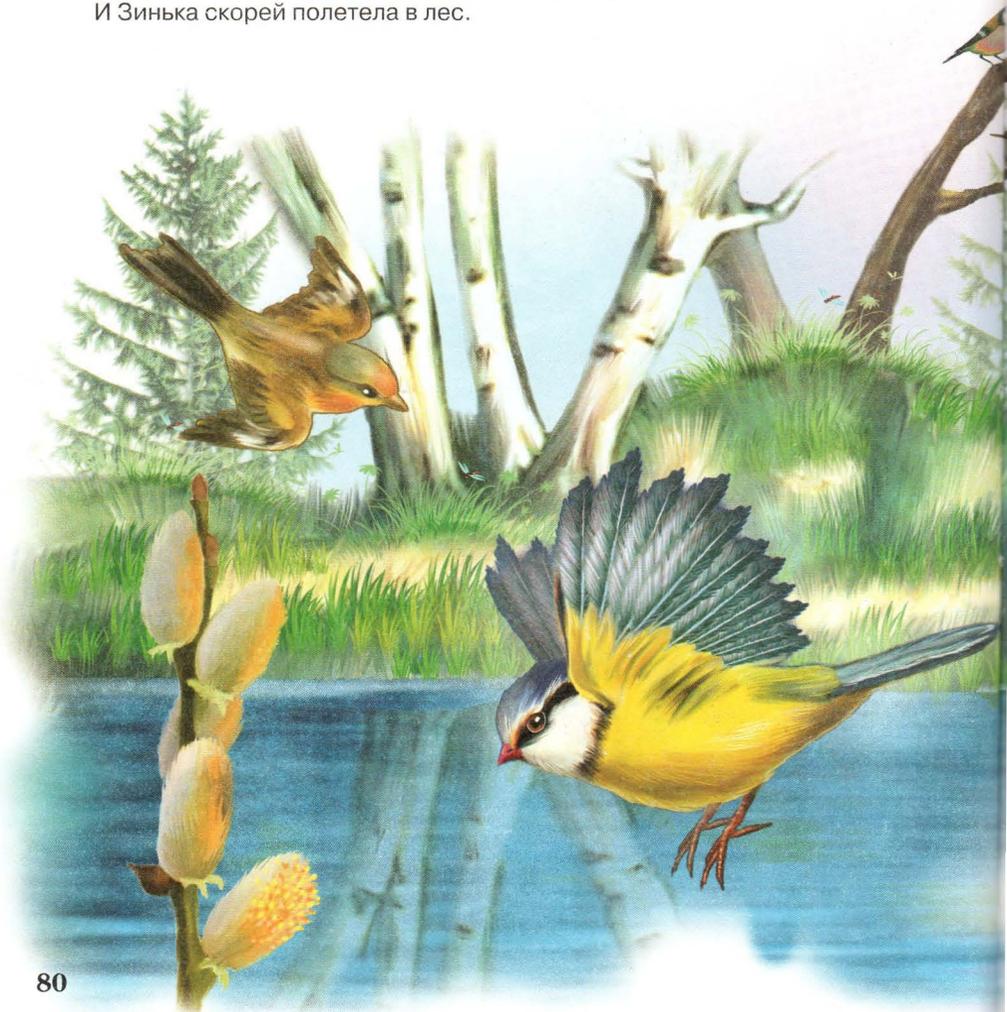
– Зинь-зинь-хо! Зинь-зинь-хо! Ледоход, ледоход! – запела Зинька.

И полетела рассказать Старому Воробью, что видела на реке.

И старый Воробей сказал ей:

– Вот видишь: сперва весна приходит в поле, а потом на реку. Запомни: месяц, в который у нас реки освобождаются ото льда, называется апрель. А теперь лети-ка опять в лес: увидишь, что там будет.

И Зинька скорей полетела в лес.

МАЙ

В лесу ещё было полно снега. Он спрятался под кустами и деревьями, и солнцу трудно было достать его там. В поле давно уже зеленела посеянная с осени рожь, а лес все ещё стоял голый.

Но уже было в нём весело, не то что зимой. Налетело много разных птиц, и все они порхали между деревьями, прыгали по земле и пели, – пели на ветвях, на макушках деревьев и в воздухе.

Солнце теперь вставало очень рано, ложилось поздно и так усердно светило всем на земле и так грело, что жить стало легко. Синичке больше не надо было заботиться о ночлеге: найдёт свободное дупло – хорошо, не найдёт – и так переночует где-нибудь на ветке или в чаше.

И вот раз вечером ей показалось, будто лес в тумане. Лёгкий зеленоватый туман окутал все берёзы, осины, ольхи. А когда на следующий день над лесом поднялось солнце, на каждой берёзе, на всякой веточке показались точно маленькие зелёные пальчики: это стали распускаться листья.

Тут и начался лесной праздник.
Засвистал, защёлкал в кустах Соловей.
В каждой луже урчали и квакали лягушки.
Цвели деревья и ландыши. Майские жуки с гуденьем носились между
ветвями. Бабочки порхали с цветка на цветок. Звонко куковала кукушка.

Друг Зиньки – Дятел-Красношапочник – и тот не тужил, что не умеет петь: отыщет сучок посуше и так лихо барабанит по нему носом, что по всему лесу слышна звонкая барабанная дробь.

А дикие голуби поднимались высоко над лесом и проделывали в воздухе головокружительные фокусы и мёртвые петли. Каждый веселился на свой лад, кто как умел.

Зиньке всё было любопытно. Зинька всюду попевала и радовалась вместе со всеми.

По утрам на заре слышала Зинька чьи-то громогласные крики, будто в трубы кто-то трубил где-то за лесом.

Полетела она в ту сторону и вот видит: болото, мох да мох, и сосенки на нём растут. И ходят на болоте такие большие птицы, каких никогда ещё Зинька не видела, – прямо с баранов ростом, и шеи у них долгие-долгие.

Вдруг подняли они свои шеи, как трубы, да как затрубят, как загремят:

– Тррру-рру-у! Тррру-рру!

Совсем оглушили синичку.

Потом один растопырил крылья и пушистый свой хвост, поклонился до земли соседям да вдруг и пошёл в пляс: засеменил, засеменил ногами и пошёл по кругу, всё по кругу; то одну ногу выкинет, то другую, то поклонится, то подпрыгнет, то впрыскаду пойдёт – умора! А другие на него смотрят, собрались кругом, крыльями враз хлопают.

Не у кого было Зиньке спросить в лесу, что это за птицы-великаны, и полетела она в город к Старому Воробью.

И Старый Воробей сказал ей:

– Это журавли: птицы серьёзные, почтенные, а сейчас, видишь, что выделявают. Потому это, что пришёл весёлый месяц май, и лес оделся, и все цветы цветут, и все пташки поют. Солнце теперь всех обогрело и светлюю всем радость дало.

ИЮНЬ

Решила Зинька:

«Полечу-ка я нынче по всем местам: и в лес, и в поле, и на речку... Всё осматрю».

Первым делом наведальась к старому другу своему – Дятлу-Красношапочнику.

А он как увидел её издали, так и закричал:

– Кик! Кип! Прочь, прочь! Тут мои владения!

Очень удивилась Зинька. И крепко на Дятла обиделась: вот тебе и друг!

Вспомнила о полевых куропатках, серых, с шоколадной подковкой на груди.

Прилетела к ним в поле, ищет куропаток – нет их на старом месте! А ведь целая стая была. Куда все подевались?

Летала-летала по полю, искала-искала, насилу одного петушка нашла: сидит во ржи, – а рожь уж высокая, – кричит:

– Чир-вик! Чир-вик!

Зинька к нему. А он ей:

– Чир-вик! Чир-вик! Чичире! Пошла, пошла отсюда

– Кактак! – рассердилась синичка. – Давно ли я всех вас от смерти спасла – из ледяной тюрьмы выпустила, а теперь ты меня и близко к себе не пускаешь?

– Чир-вир! – смутился куропачий петушок. – Правда, от смерти спасла. Мы это все помним. А все-таки лети от меня подальше: теперь время другое, мне вот как драться хочется!

Хорошо, у птиц слёз нет, а то, наверно, заплакала бы Зинька, уж так ей обидно, так горько стало!

Повернулась молча, полетела на реку.
Летит над кустами – вдруг из кустов серый зверь!

Зинька так и шарахнулась в сторону.

– Не узнала? – смеётся зверь. – Ведь мы с тобой старые друзья.

– А ты кто? – спрашивает Зинька.

– Заяц я. Беляк.

– Какой же ты беляк, когда ты серый? Я помню беляка: он весь белый, только на ушках чёрное.

– Это я зимой белый: чтобы на снегу меня видно не было. А летом я серый.

Ну и разговорились. Ничего, с ним не ссорились.

А потом Старый Воробей и объяснил Зиньке:

– Это месяц июнь – начало лета. У всех нас, у птиц, в это время – гнёзда, а в гнёздах – драгоценные яички и птенчики. К своим гнёздам мы никого не подпускаем – ни врага, ни друга: и друг может нечаянно разбить яичко. У зверей – тоже детёныши, звери тоже никого к своей норе не подпускают. Один заяц без забот: растерял своих детишек по всему лесу, и думать о них забыл. Да ведь зайчаткам мать-зайчиха нужна только в первые дни: попьют они материнское молочко несколько дней, а потом сами травку зубрят. Теперь, – прибавил Старый Воробей, – солнце в самой силе, и самый длинный у него трудовой день. Теперь на земле все найдут, чем набить своим малышам животики.

ИЮЛЬ

– С новогодней ёлки, – сказал Старый Воробей, – прошло уже шесть месяцев, ровно полгода. Запомни, что второе полугодие начинается в самый разгар лета.

А пошёл теперь месяц июль. А это самый хороший месяц и для птенцов и для зверят, потому что кругом всего очень много: и солнечного света, и тепла, и разной вкусной еды.

– Спасибо, – сказала Зинька. И полетела.

«Пора мне остепениться, – подумала она. – Дупел в лесу много. Займу, какое мне понравится свободное, и заживу в нём своим домком!»

Задумать-то задумала, да не так просто оказалось это сделать.

Все дупла в лесу заняты. Во всех гнёздах птенцы. У кого ещё крохотки, голенькие, у кого в пушку, а у кого и в пёрышках, да всё равно желторотые, целый день пищат, есть просят.

Родители хлопчут, взад-вперёд летают, ловят мух, комаров, ловят бабочек, собирают гусениц-червячков, а сами не едят: всё птенцам носят. И ничего: не жалуются, ещё песни поют.

Скучно Зиньке одной.

«Дай, – думает, – я помогу кому-нибудь птенчиков покормить. Мне спасибо скажут».

Нашла на еле бабочку, схватила в клюв, ищет, кому бы дать.

Слышит – на дубу пищат маленькие щеглята, там их гнездо на ветке.

Зинька туда – и сунула бабочку одному щеглёнку в разинутый рот.

Щеглёнок глотнул, а бабочка не лезет: велика больно.

Глупый птенчик старается, давится – ничего не выходит.

И стал уже задыхаться. Зинька с испугу кричит, не знает, что делать.

Тут Щеглиха прилетела. Сейчас – раз! – ухватила бабочку, вытащила у щеглёнка из горла и прочь бросила. А Зиньке говорит:

– Марш отсюда! Ты чуть моего птенчика не погубила. Разве можно давать маленькому целую бабочку? Даже крылья ей не оторвала!

Зинька кинулась в щазу, там спряталась: и стыдно ей, и обидно. Потом много дней по лесу летала – нет, никто её в компанию к себе не принимает!

А что ни день, то больше в лес приходит ребят. Все с корзиночками, весёлые; идут – песни поют, а потом разойдутся и ягоды собирают: и в рот, и в корзиночки. Уже малина поспела.

Зинька всё около них вертится, с ветки на ветку перелетает, и веселит синичке с ребятами, хоть она их языка не понимает, а они – её.

И случилось раз: одна маленькая девочка забралась в малинник, идёт тихонько, ягоды берёт.

А Зинька над нею по деревьям порхает.

И вдруг видит: большой страшный медведь в малиннике.

Девочка как раз к нему подходит – его не видит.

И он её не видит: тоже ягоды собирает. Нagnёт лапой куст – и себе в рот.

«Вот сейчас, – думает Зинька, – наткнётся на него девочка – страшилище это её и съест! Спаси, спаси её надо!»

И закричала с дерева по-своему, по-синичьему:

– Зинь-зинь-вень! Девочка, девочка! Тут медведь. Убегай!

Девочка и внимания на неё не обратила: ни слова не поняла.

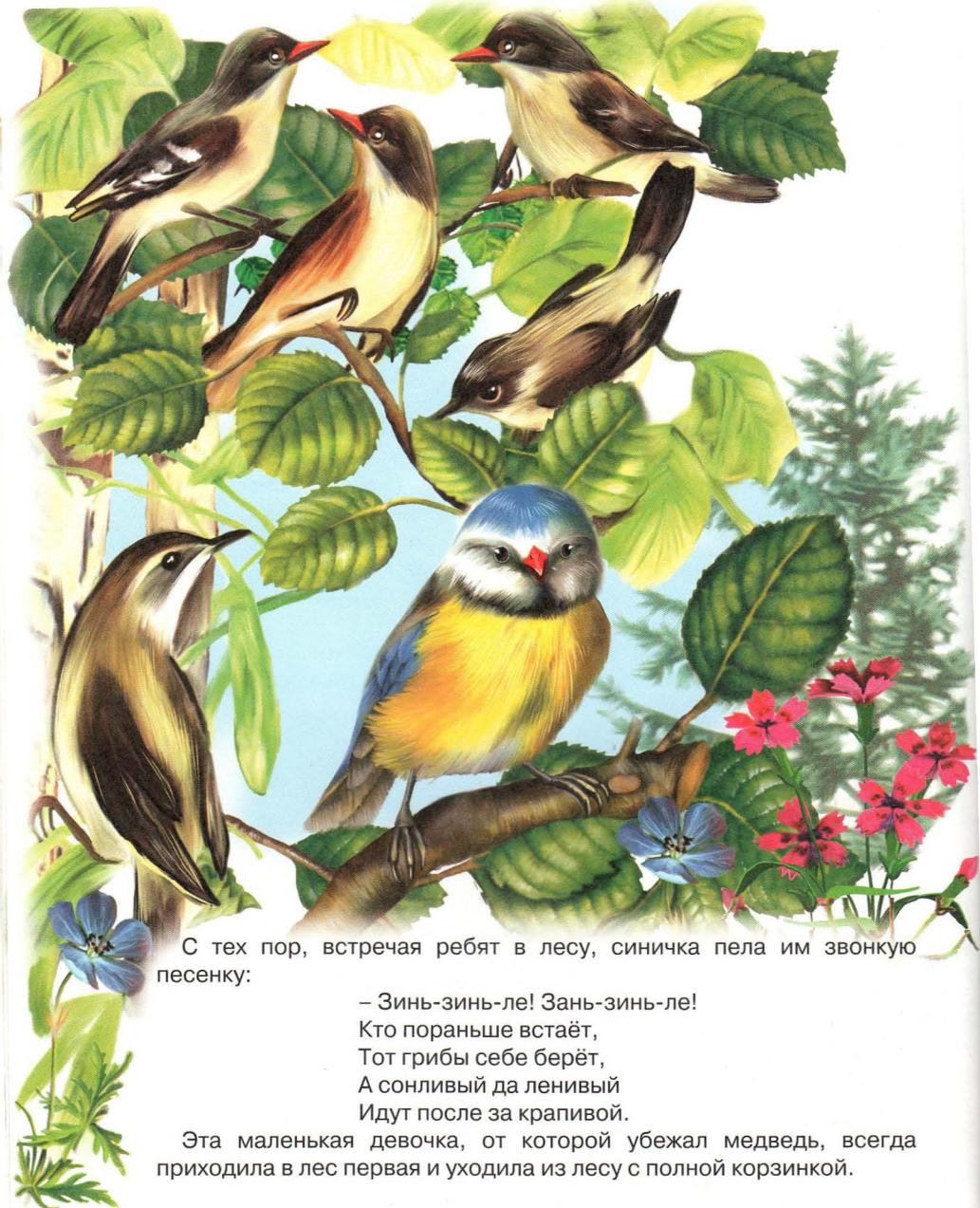
А медведь-страшилище понял: разом поднялся на дыбы, оглядывается: где девочка?

«Ну, – решила Зинька, – пропала маленькая!»

А медведь увидел девочку, опустил на все четыре лапы – да как кинется от неё наутёк через кусты!

Вот удивилась Зинька: «Хотела девочку от медведя спасти, а спасла медведя от девочки! Такое страшилище, а маленького человечка боится!»

С тех пор, встречая ребят в лесу, синичка пела им звонкую песенку:

– Зинь-зинь-ле! Зань-зинь-ле!
Кто пораньше встаёт,
Тот грибы себе берёт,
А сонливый да ленивый
Идут после за крапивой.

Эта маленькая девочка, от которой убежал медведь, всегда приходила в лес первая и уходила из лесу с полной корзинкой.

АВГУСТ

– После июля, – сказал Старый Воробей, – идёт август. Третий и – заметь себе это – последний месяц лета.

– Август, – повторила Зинька.

И принялась думать, что ей в этом месяце делать.

Ну, да ведь она была Синичка, а синички долго на одном месте усидеть не могут. Им бы всё порхать да скакать, по веткам лазать то вверх, то вниз головой. Много так не надумаешь.

Пожила немножко в городе – скучно. И сама не заметила, как опять очутилась в лесу.

Очутилась в лесу и удивляется: что там со всеми птицами сделалось?

Только что все гнали её, близко к себе и к своим птенцам не подпускали, а теперь только и слышит: «Зинька, лети к нам!», «Зинька, сюда!», «Зинька, полетай с нами!», «Зинька, Зинька, Зинька!».

Смотрит – все гнёзда пустые, все дупла свободные, все птенцы выросли и летать научились. Дети и родители все вместе живут, так выводками и летают, а уж на месте никто не сидит, и гнёзда им больше не нужны. И гостье все рады: веселей в компании-то кочевать.

Зинька то к одним пристанет, то к другим; один день с хохлатыми синичками проведёт, другой – с гаичками-пухлячками. Беззаботно живёт: тепло, светло, еды сколько хочешь.

И вот удивилась Зинька, когда Белку встретила и разговорилась с ней. Смотрит – Белка с дерева на землю спустилась и что-то ищет там в траве.

Нашла гриб, схватила его в зубы – и марш с ним назад на дерево. Нашла там сучок острый, ткнула на него гриб, а есть не есть его: поскакала дальше.

И опять на землю – грибы искать.

Зинька подлетела к ней и спрашивает:

– Что ты, Белочка, делаешь? Зачем не ешь грибы, а на сучки их накальываешь?

– Как зачем? – отвечает Белка. – Впрок собираю, сушу в запас. Зима придёт – пропадёшь без запаса.

Стала тут Зинька примечать: не только белки – многие зверюшки запасы себе собирают. Мышки-полёвки, хомяки с поля зёрна за щеками таскают в свои норки, набивают там свои кладовочки.

Начала и Зинька кое-что припрятывать на чёрный день; найдёт вкусные семечки, поклюет их, а что лишнее – сунет куда-нибудь в кору, в щёлочку.

Соловей это увидел и смеётся:

– Ты что же, Синичка, на всю долгую зиму хочешь запасы сделать? Этак тебе тоже нору копать в пору.

Зинька смутилась.

– А ты как же, – спрашивает, – зимой думаешь?

– Фьють! – свистнул Соловей. – Придёт осень, – я отсюда улечу. Далеко-далеко улечу, туда, где и зимой тепло и розы цветут. Там сытно, как здесь летом.

– Да ведь ты Соловей, – говорит Зинька, – тебе что: сегодня здесь спел, а завтра – там. А я Синичка. Я где родилась, там всю жизнь и проживу.

А про себя подумала:

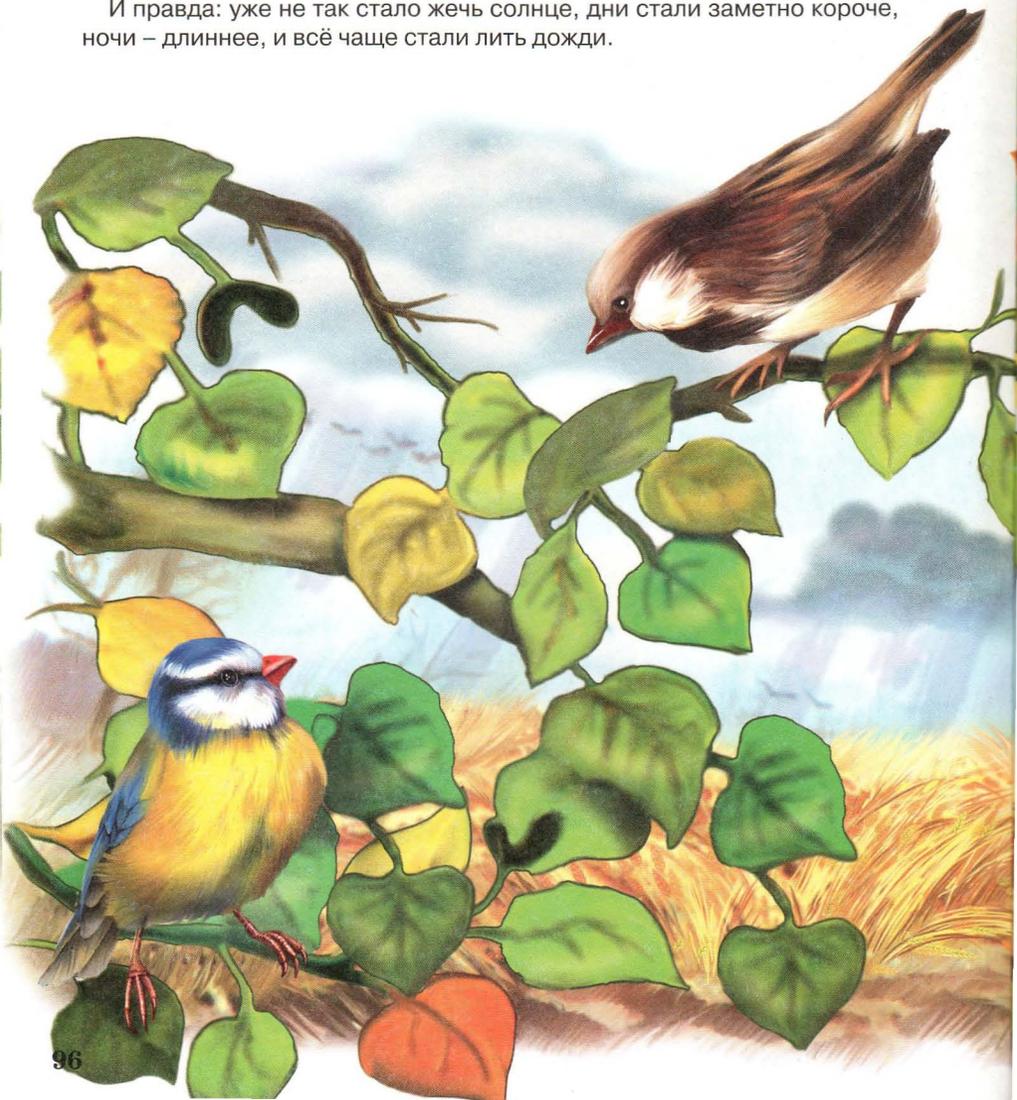
«Пора, пора мне о своём домике подумать! Вот уж и люди в поле вышли – убирают хлеб, увозят с поля. Кончается лето, кончается...»

СЕНТЯБРЬ

– А теперь какой месяц будет? – спросила Зинька у Старого Воробья.

– Теперь будет сентябрь, – сказал Старый Воробей. – Первый месяц осени.

И правда: уже не так стало жечь солнце, дни стали заметно короче, ночи – длиннее, и всё чаще стали лить дожди.

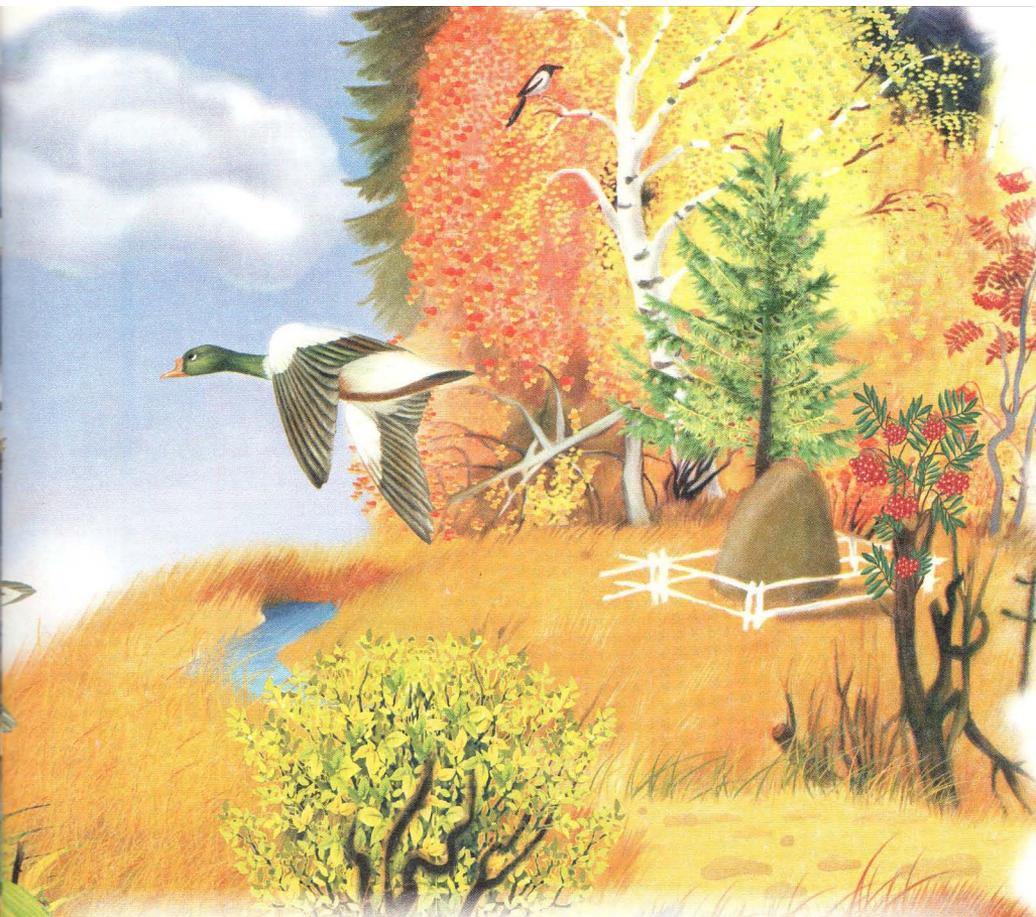

Первым делом осень пришла в поле. Зинька видела, как день за днём люди свозили хлеб с поля в деревню, из деревни – в город. Скоро совсем опустело поле, и ветер гулял в нём на просторе. Потом раз вечером ветер улёгся, тучи разошлись с неба. Утром Зинька не узнала поля: всё оно было в серебре, и тонкие-тонкие серебряные ниточки плыли над ним по воздуху. Одна такая ниточка, с крошечным шариком на конце, опустилась на куст рядом с Зинькой.

Шарик оказался паучком, и синичка, недолго думая, клюнула его и проглотила.

Очень вкусно! Только нос весь в паутине. А серебряные нити-паутинки тихонько плыли над полем, опускались на жнитво, на кусты, на лес: молодые паучки отыскивали себе щёлку в коре или норку в земле и прятались в неё до весны.

В лесу уже начал желтеть, краснеть, буреть лист. Уже птички семейно выводки собирались в стайки, стайки – в стаи. Кочевали все шире по лесу: готовились в отлёт.

То и дело откуда-то неожиданно появлялись стаи совсем незнакомых Зиньке птиц – долгоногих пёстрых куликов, невиданных уток. Они останавливались на речке, на болотах; день покормятся, отдохнут, а ночью летят дальше – в ту сторону, где солнце бывает в полдень. Это пролетали с далёкого севера стаи болотных и водяных птиц.

Раз Зинька повстречала в кустах среди поля весёлую стайку таких же, как она сама, синиц: белощёкие, с жёлтой грудкой и длинным чёрным галстуком до самого хвостика. Стайка перелетела полем из леска в лесок.

Не успела Зинька познакомиться с ними, как из-под кустов с шумом и криком взлетел большой выводок полевых куропаток. Раздался короткий страшный гром – и Синичка, сидевшая рядом с Зинькой, не пискнув, свалилась на землю.

А дальше две куропатки, перевернувшись в воздухе через голову, замертво ударились о землю. Зинька до того перепугалась, что осталась сидеть, где сидела, ни жива ни мертва.

Когда она пришла в себя, около неё никого не было – ни куропаток, ни синиц.

Подошёл бородатый человек с ружьём, поднял двух убитых куропаток и громко крикнул:

– Ау! Манюня!

С опушки леса ответил ему тоненький голосок, и скоро к бородатому подбежала маленькая девочка. Зинька узнала её: та самая, что напугала в малиннике медведя. Сейчас у неё была в руках полная корзинка грибов.

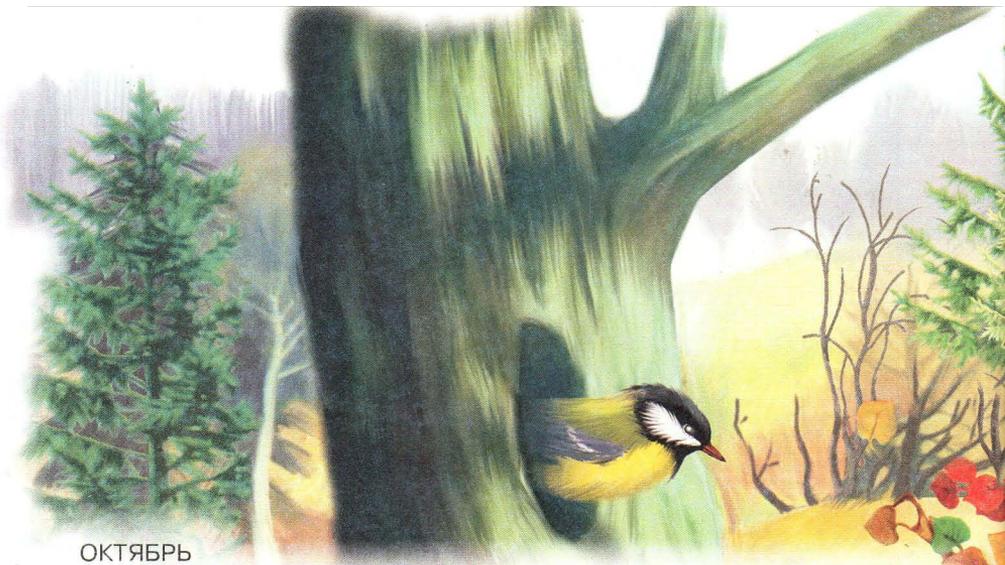
Пробегая мимо куста, она увидела на земле упавшую с ветки синичку, остановилась, наклонилась, взяла её в руки. Зинька сидела в кусту не шевелясь.

Девочка что-то сказала отцу, отец дал ей фляжку, и Манюня sprysнула из неё водой синичку. Синичка открыла глаза, вдруг вспорхнула – и забилась в куст рядом с Зинькой.

Манюня весело засмеялась и вприпрыжку побежала за уходящим отцом.

ОКТЯБРЬ

– Скорей, скорей! – торопила Зинька Старого Воробья. – Скажи мне, какой наступает месяц, и я полечу назад в лес: там у меня больной товарищ.

И она рассказала Старому Воробью, как бородатый охотник сшиб с ветки сидевшую рядом с ней Синичку, а девочка Манюня sprysнула водой и оживила её.

Узнав, что новый месяц, второй месяц осени, называется октябрь, Зинька живо вернулась в лес.

Её товарища звали Зинзивер. После удара дробинкой крылышки и лапки ещё плохо повиновались ему. Он с трудом долетел до опушки. Тут Зинька отыскала ему хорошенькое дуплишко и стала таскать туда для него червячков-гусениц, как для маленького. А он был совсем не маленький: ему было уже два года, и, значит, он был на целый год старше Зиньки.

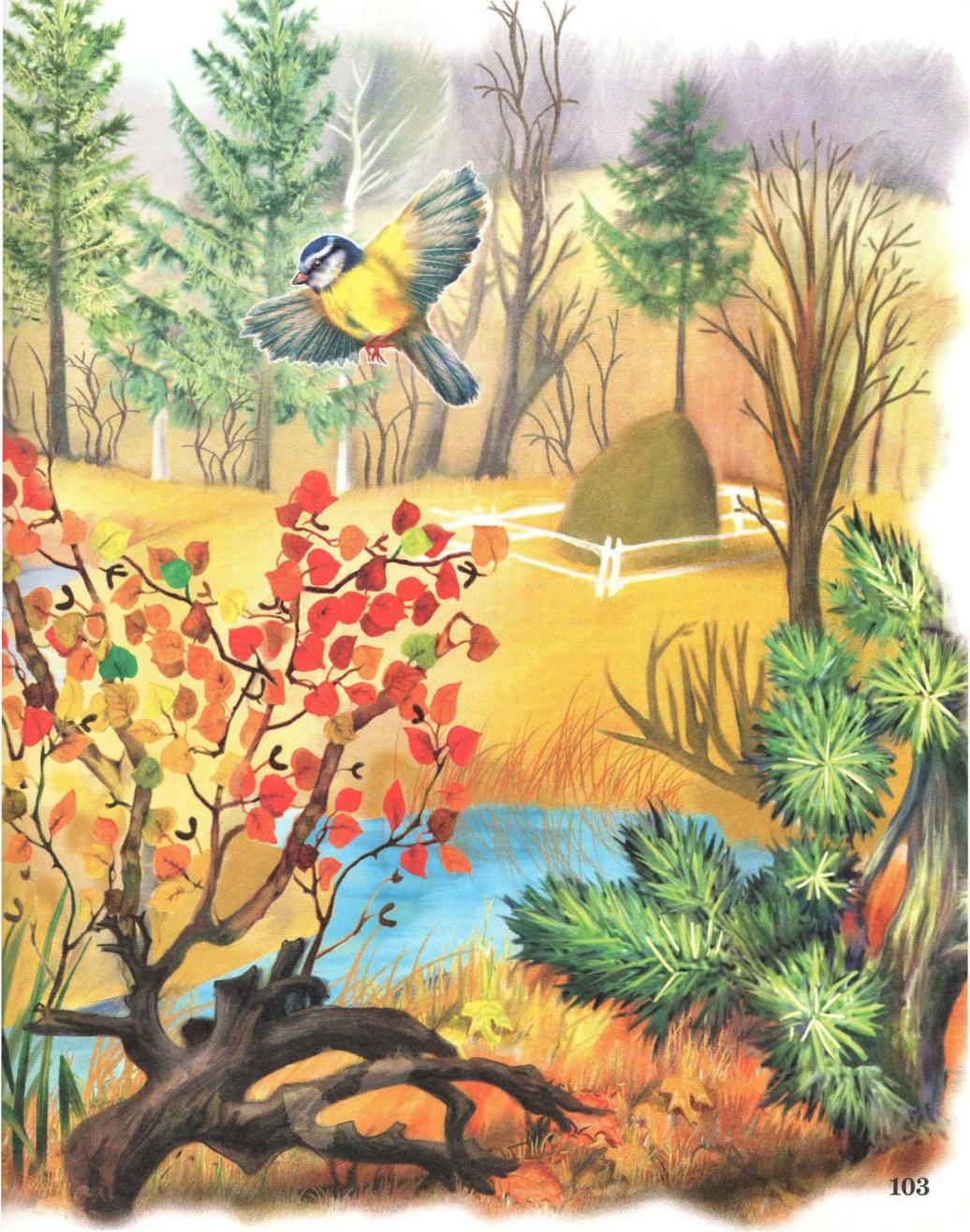
Через несколько дней он совсем поправился. Стайка, с которой он летал, куда-то исчезла, и Зинзивер остался жить с Зинькой. Они очень подружились.

А осень пришла уже и в лес. Сперва, когда все листья раскрасились в яркие цвета, он был очень красив. Потом подули сердитые ветры. Они сдирали жёлтые, красные, бурые листья с веток, носили их по воздуху и швыряли на землю.

Скоро лес поредел, ветки обнажились, а земля под ними покрылась разноцветными листьями.

Пролетели с далекого севера, из тундр, последние стаи болотных птиц.

Теперь каждый день прибывали новые гости из северных лесов: там уже начиналась зима.

Не всё и в октябре дули сердитые ветры, не всё лили дожди: выдавались и погожие, сухие и ясные дни. Нежаркое солнышко светило приветливо, прощаясь с засыпающим лесом. Потемневшие на земле листья тогда высыхали, становились жёсткими и хрупкими. Ещё кое-где из-под них выглядывали грибы – грузди, маслята.

Но хорошую девочку Манюню Зиньку и Зинзивер больше уже не встречали в лесу.

Синички любили спускаться на землю, прыгать по листьям – искать улиток на грибах.

Раз они подскочили так к маленькому грибу, который рос между корнями белого берёзового пня. Вдруг по другую сторону пня выскочил серый, с белыми пятнами зверь.

Зинька пустилась было наутёк, а Зинзивер рассердился и крикнул:

– Пинь-пинь-черр! Ты кто такой?

Он был очень храбрый и улетал от врага, только когда враг на него кидался.

– Фу! – сказал серый пятнистый зверь, кося глазами и весь дрожа. – Как вы с Зинькой меня напугали! Нельзя же так топтать по сухим, хрустким листьям!

Я думал, что Лиса бежит или Волк. Я же Заяц, бяляк.

– Неправда! – крикнула ему с дерева Зинька. – Беляк летом серый, зимой белый, я знаю. А ты какой-то полубелый.

– Так ведь сейчас ни лето, ни зима. И я ни серый, ни белый. – И заяц захныкал. – Вот сижу у берёзового пенька, дрожу, шевельнуться боюсь. Снегу ещё нет, а у меня уже клочья белой шерсти лезут. Земля чёрная. Побегу по ней днём – сейчас меня все увидят. И так ужасно хрустят сухие листья! Как тихонько ни крадись, прямо гром из-под ног.

– Видишь, какой он трус, – сказал Зинзивер Зиньке. – А ты его испугалась. Он нам не враг.

НОЯБРЬ

Враг – и страшный враг – появился в лесу в следующем месяце. Старый Воробей назвал этот месяц ноябрём и сказал, что это третий, и последний, месяц осени.

Враг был очень страшный, потому что он был невидимка. В лесу стали пропадать и маленькие птички, и большие, и мыши, и зайцы. Только зазевается зверёк, только отстанет от стаи птица – всё равно ночью, днём ли, – глядь, их уж и в живых нет.

Никто не знал, кто этот таинственный разбойник: зверь ли, птица или человек?

Но все боялись его, и у всех лесных зверей и птиц только и было разговору, что о нём. Все ждали первого снега, чтобы по следам около растерзанной жертвы опознать убийцу.

Первый снег выпал однажды вечером. А наутро следующего дня в лесу не досчитались одного зайчонка.

Нашли его лапку. Тут же, на подтаявшем уже снегу, были следы больших, страшных когтей. Это могли быть когти зверя, могли быть когти и крупной хищной птицы. А больше ничего не оставил убийца: ни пера, ни шерстинки своей.

– Я боюсь, – сказала Зинька Зинзиверу. – Ох, как я боюсь! Давай улетим скорей из лесу, от этого ужасного разбойника-невидимки.

Они полетели на реку. Там были старые дуплистые ивы-ракиты, где они могли найти себе приют.

– Знаешь, – говорила Зинька, – тут место открытое. Если и сюда придёт страшный разбойник, он тут не может подкрасться так незаметно, как в тёмном лесу. Мы его увидим издали и спрячемся от него.

И они поселились за речкой.

Осень пришла уже и на реку. Ивы-ракиты облетели, трава побурела и поникла.

Снег выпадал и таял. Речка еще бежала, но по утрам на ней был ледок.

И с каждым морозцем он рос. Не было по берегам и куликов. Оставались ещё только утки. Они кричали, что останутся тут на всю зиму, если река вся не покроется льдом. А снег падал и падал – и больше уж не таял.

Только было синички зажили спокойно, вдруг опять тревога: ночью неизвестно куда исчезла утка, спавшая на том берегу – на краю своей стаи.

– Это он, – говорила, дрожа, Зинька. – Это невидимка. Он всюду: и в лесу, и в поле, и здесь, на реке.

– Невидимок не бывает, – говорил Зинзивер. – Я выслежу его, вот постой!

И он целыми днями вертелся среди голых веток на верхушках старых ив-раkit: высматривал с вышки таинственного врага. Но так ничего и не заметил подозрительного.

И вот вдруг – в последний день месяца – стала река. Лёд разом покрыл её – и больше уж не растаял.

Утки улетели ещё ночью.

Тут Зиньке удалось наконец уговорить Зинзивера покинуть речку: ведь теперь враг мог легко перейти к ним по льду. И всё равно Зиньке надо было в город: узнать у Старого Воробья, как называется новый месяц.

ДЕКАБРЬ

Полетели синички в город.

И никто, даже Старый Воробей, не мог им объяснить, кто этот невидимый страшный разбойник, от которого нет спасенья ни днём, ни ночью ни большим, ни маленьким.

– Но успокойтесь, – сказал Старый Воробей. – Здесь, в городе, никакой невидимки не страшен: если даже он посмеет явиться сюда, люди сейчас же застрелят его. Оставайтесь жить с нами в городе. Вот уже начался месяц декабрь – хвостик года. Пришла зима. И в поле, и на речке, и в лесу теперь голодно и страшно. А у людей всегда найдётся для нас, мелких пташек, и приют и еда.

Конечно, Зинька с радостью согласилась поселиться в городе и уговорила Зинзивера. Сперва он, правда, не соглашался, хорохорился, кричал:

– Пинь-пинь-черр! Никого не боюсь! Разыщу невидимку!

Но Зинька ему сказала:

– Не в том дело, а вот в чём: скоро будет Новый год. Солнышко опять начнёт выглядывать, все будут радоваться ему. А спеть ему первую весеннюю песенку тут, в городе, никто не сможет: воробьи умеют только чирикать, вороны только каркают, а галки – галдят. В прошлом году первую весеннюю песенку солнцу спела тут я. А теперь её должен спеть ты.

Зинзивер как крикнет:

– Пинь-пинь-черр! Ты права. Это я могу. Голос у меня сильный, звонкий, – на весь город хватит. Остаёмся тут!

Стали они искать себе помещение. Но это оказалось очень трудно.

В городе не то что в лесу: тут и зимой все дупла, скворешни, гнёзда, даже щели за окнами и под крышами заняты. В том воробьином гнёздышке за оконницей, где встретила ёлку Зинька в прошлом году, теперь жило целое семейство молодых воробьёв.

Но и тут Зиньке помог Старый Воробей. Он сказал ей:

– Слетайте-ка вон в тот домик, вон – с красной крышей и садиком. Там я видел девочку, которая всё что-то ковыряла долотом в полене. Уж не готовит ли она вам – синичкам – хорошенькую дуплянку?

Зинька и Зинзивер сейчас же полетели к домику с красной крышей. И кого же они первым делом увидели в саду, на дереве? Того страшного бородатого охотника, который чуть насмерть не застрелил Зинзивера.

Охотник одной рукой прижимал дуплянку к дереву, а в другой держал молоток и гвозди. Он наклонился вниз и крикнул:

– Так, что ли?

И снизу, с земли, ему ответила тоненьким голоском Манюня:

– Так, хорошо!

И бородатый охотник большими гвоздями крепко прибил дуплянку к стволу, а потом слез с дерева.

Зинька и Зинзивер сейчас же заглянули в дуплянку и решили, что лучшей квартиры они никогда и не видели: Манюня выдолбила в полене уютное глубокое дуплишко и даже положила в него мягкого, тёплого пера, пуха и шерсти.

Месяц пролетел незаметно, никто не беспокоил тут синичек, а Манюня каждое утро приносила им еду на столик, нарочно приделанный к ветке.

А под самый Новый год случилось ещё одно – последнее в этом году – важное событие: Манюнин отец, который иногда уезжал за город на охоту, привез невиданную птицу, посмотреть на которую сбежались все соседи.

Это была большущая белоснежная сова, – до того белоснежная, что, когда охотник бросил её на снег, сову только с большим трудом можно было разглядеть.

– Это злая зимняя гостя у нас, – объяснял отец Манюне и соседям, – полярная сова. Она одинаково хорошо видит и днём и ночью. И от её когтей нет спасенья ни мыши, ни куропатке, ни зайцу на земле, ни белке на дереве. Летает она совсем бесшумно, а как её трудно заметить, когда кругом снег, сами видите.

Конечно, ни Зинька, ни Зинзивер ни слова не поняли из объяснения бордатого охотника. Но оба они отлично поняли, кого убил охотник.

И Зинзивер так громко крикнул «пинь-пинь-черр! Невидимка!» – что сейчас же со всех крыш и дворов слетелись все городские воробьи, вороны, галки – посмотреть на чудовище.

А вечером у Манюни была ёлка, дети кричали и топали, но синички нисколько на них за это не сердились. Теперь они знали, что с ёлкой, украшенной огнями, снегом и игрушками, приходит Новый год, а с Новым годом возвращается к нам солнце и приносит много новых радостей.

Кто чем

поёт?

Слышишь, какая музыка гремит в лесу?
Слушая её, можно подумать, что все звери, птицы и насекомые
родились на свет певцами и музыкантами.

Может быть, так оно и есть: музыку ведь все любят, и петь всем
хочется.

Только не у каждого голос есть.

Вот послушай, чем и как поют безголосые.

Лягушки на озере начали ещё с ночи.

Надули пузыри за ушами, высунули головы из воды, рты приоткрыли.

«Ква-а-а-а-а!» – одним духом пошёл из них воздух.

Услыхал их Аист из деревни.

Обрадовался:

– Целый хор! Будет мне чем поживиться!

И полетел на озеро завтракать. Прилетел и сел на берегу.

Сел и думает:

«Неужели я хуже лягушки? Поют же они без голоса. Дай-ка и я попробую».

Поднял длинный клюв, застучал, затрещал одной его половинкой о другую, – то тише, то громче, то реже, то чаще: трещотка трещит деревянная, да и только! Так разошёлся, что и про завтрак свой забыл.

А в камышах стояла Выпь на одной ноге, слушала и думала:
«Безголосая я цапля! Да ведь и Аист – не певчая птичка, а вон какую песню
наигрывает».

И придумала:

«Дай-ка на воде сыграю».

Сунула в озеро клюв, набрала полный воды да как дунет в клюв!

Пошёл по озеру громкий гул:

«Прумб-бу-бу-бумм!..» – словно бык проревел.

«Вот так песня! – подумал Дятел, услышав Выпь из лесу. – Инструмент-то у
меня найдётся: чем дерево не барабан, а нос мой чем не палочка?»

Хвостом упёрся, назад откинулся, размахнулся головой – как задолбит
носом по суку!

Точь-в-точь – барабанная дробь.

Вылез из-под коры Жук с длинными-предлинными усами.
Закрутил, закрутил головой, заскрипела его жесткая шея – тоненький-тоненький писк послышался.

Пищит усач, а всё напрасно; никто его писка не слышит. Шею натрудил – зато сам своею песнею доволен.

А внизу, под деревом, из гнезда вылез Шмель и полетел петь на лужок.

Вокруг цветка на лужку кружит, жужжит жилкаватыми жёсткими крылышками, словно струна гудит.

Разбудила шмелиная песня зелёную Саранчу в траве.

Стала Саранча скрипочки налаживать. Скрипочки у неё на крылышках, а вместо смычков – длинные задние лапки коленками назад. На крыльях у них – зазубринки, а на ножках – зацепочки.

Трёт себя Саранча ножками по бокам, зазубринками за зацепочки задевает – стрекочет.

Саранчи на лугу много: целый струнный оркестр.

«Эх, – думает долгоносый Бекас под кочкой, – надо и мне спеть! Только вот чем? Горло у меня не годится, нос не годится, шея не годится, крылышки не годятся, лапки не годятся... Эх! Была не была, – полечу, не смолчу, чем-нибудь да закричу!»

Выскочил из-под кочки, взвился, залетел под самые облака.

Хвост раскрыл веером, выпрямил крылышки, перевернулся носом к земле и понёсся вниз, переворачиваясь с боку на бок, как брошенная с высоты дощечка.

Головой воздух рассекает, а в хвосте у него тонкие, узкие пёрышки ветром перебирает.

И слышно с земли: будто в вышине барашек запел, заблеял.

А это Бекас.

Отгадай, чем он поёт?

Хвостом!

Лу́пленьи́й

Бочок

Думаете, все зайцы одинаковые, все трусы? Нет, зайцы тоже разные бывают. Спросите вот моего сынишку, какого мы раз поймали скандалиста.

Мы были на охоте в лесу. Втроем: сынишка, я и Джим. Джим – это собачка наша. Коротконожка, уши до земли, хвостик руцый. Замечательная охотничья собачка, хоть и старенькая: всякую дичь разыщет, на крыло поднимет, а подстреленную поймает, схватит и осторожно, не помяв ни пёрышка, подаст прямо в руки. Необыкновенно умный и добрый у нас Джим. С другими собаками не дерётся, никого никогда не кусает, всем знакомым людям при встрече хвостиком часто-часто машет и, знаете, так – по-собачьи – приветливо губами улыбается.

На охоте мы были сухой осенью – уже лист с деревьев падал, а дождей больших ещё не было. В это время охотиться в лесу всего трудней: высохший лист гремит под ногами, дичь тебя далеко слышит и видит сквозь поредевший кустарник и, не подпустив, улетает.

Вдруг слышу – Джим залаял, залаял в кустах, – и вдруг замолк.

«На кого это он?!» – думаю. И приготовился стрелять.

Но оттуда, из кустов, никто не вылетел.

А сынишка уже там и кричит мне из кустов:

– Папа, папа, беги скорей! Кого Джим-то в плен взял!

Я – к ним и вижу: Джим лежит враспяжку на земле, а передними лапами зайчонка прижал к листьям, держит его. Зайчонок верещит отчаянно, Джим хвостиком часто-часто виляет, а сынишка мой стоит над ними – и не знает, что ему делать.

Я подошёл, взял зайчонка у Джима. Держу зайчонка двумя пальцами за шиворот, – он ещё пуще верещит, лапками от меня отбивается.

Сынишка говорит:

– Это он на тебя сердится. Кричит: «Как ты смеешь меня, такого маленького, обижать?»

И вправду похоже было, что зайчонок что-то кричал.

А Джим на задние лапы встал, передними мне в колени упёрся и лижет зайчонка: успокаивает его – что, значит, не бойся, не таковские мы, ничего плохого тебе не сделаем.

Тут вдруг сынишка говорит:

– Смотри, папа, у него левый бок луплений.

Смотрю: на левом боку у зайчонка плешинка. Шерсть содрана, голая кожа – в пятак кружок.

– Эге! – говорю. – Да ведь это мне знакомый зайчишка! Он от дяди Серёжи сбежал. Полезай-ка, дружок, в карман.

Осторожно его под пузечко перехватил и сунул в свою охотничью куртку, в спинной карман. Такой у меня карман есть в куртке; во всю спину, а по бокам – пуговицы. Очень удобно в нём стреляную дичь носить и всякую всячину, что, бывает, на охоте попадается.

Зайчонку там темно, тепло – он притих.

И сразу мы домой пошли.

По дороге мне пришлось, конечно, всё подробно рассказать сынишке, откуда я этого зайчонка знаю и отчего у него бочок луплений.

Дядя Серёжа – приятель мой, тоже охотник – живёт на краю деревни, у самого леса. Зайчонка он поймал недели три назад – совсем ещё крошкой – у себя в саду под кустом смородины. Этот зайчонок – из листопадников. У зайчих первые зайчата рождаются весной, когда ещё снег корочкой – наст. И называются они – н а с т о в и ч к а м и. А последние в году рождаются осенью, когда уж лист с деревьев начинает падать. Их охотники так и зовут – л и с т о п а д н и ч к а м и.

Дядя Серёжа этому зайчонку очень обрадовался. И вот почему: у него, у дяди Серёжи, не так давно ощенилась дворовая собака по кличке Клеопарда. Щенят всех он ещё раньше знакомым своим обещал. А как их у матери отнимешь? И без того злющая, Клеопарда совсем с ума сойдёт, на всех начнёт кидаться. Дядя Серёжа и придумал зайчонка ей вместо щенят подложить, чтобы не скучала, не лютовала.

Так и сделал.

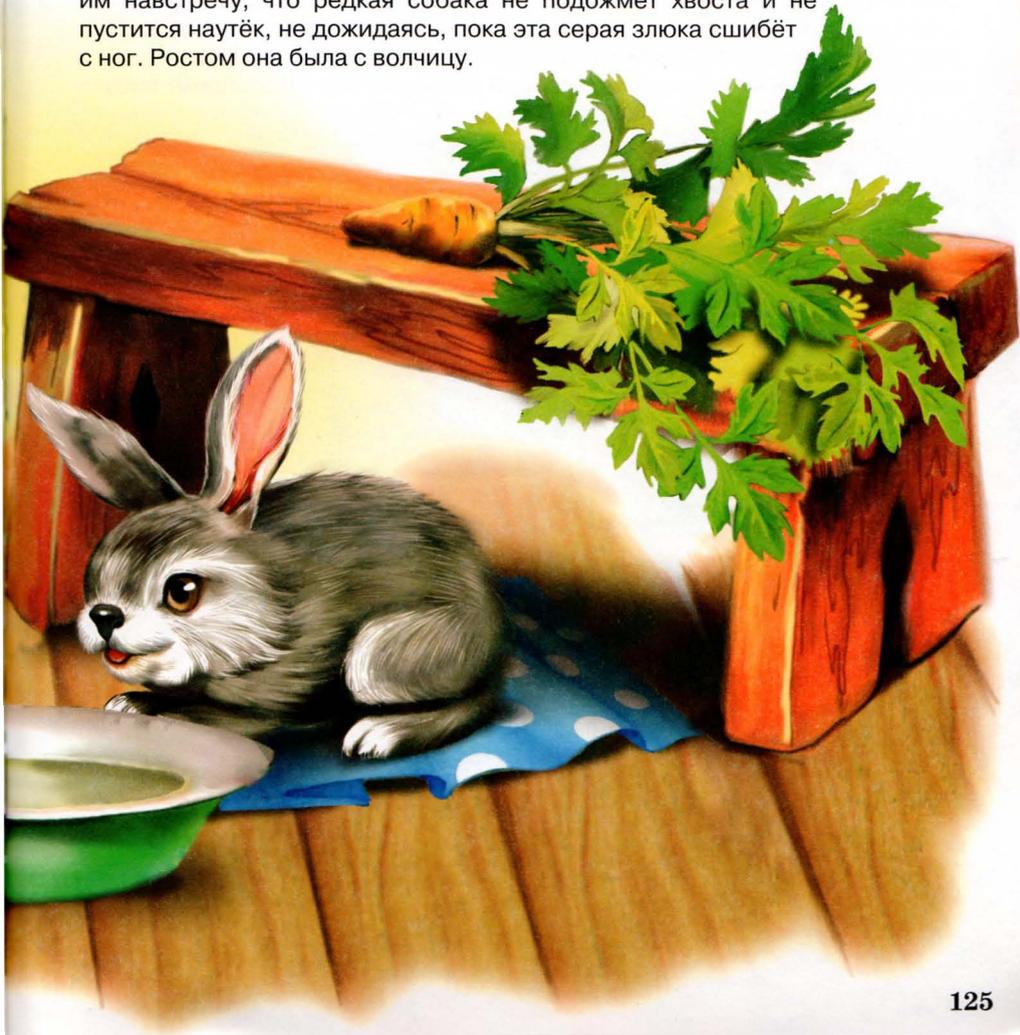
Щенята в ямке сидели. Он их оттуда взял, когда матери не было, а на их место зайчонка положил.

Клеопарда пришла – щенят нет, а сидит в ящике малая зверюшка и её, собачьим, запахом пахнет: в ящике-то всё с её запахом.

Она и не тронула зайчонка: своим признала. Утешилась им. Кости стала ему таскать, лучшие куски мяса. От такой пищи зайчонок живо бы ножки протянул, да дядя Серёжа кормил его молоком и капустой. Так и не научила Клеопарда своего приёмыша кости глотать и мясо есть – её собачью пищу. Зато научила своей собачьей храбрости.

Клеопарда была отличным сторожем и к хозяйскому дому никого не подпускала – ни чужого человека, ни собак. С таким злобным видом вылетала им навстречу, что редкая собака не подождёт хвоста и не пустится наутёк, не дожидаясь, пока эта серая злюка сшибёт с ног. Ростом она была с волчицу.

Зайчонок вырослел быстро. Зайчихи своих детей и двух недель не кормят. По-заячьему, двухнедельный зайчонок уже большим считается и должен сам себе разные вкусные травки разыскивать и прятаться от собак.

Этот зайчонок, хоть ещё махонький, живо из ящика выскочил и бегал по всему двору за своей названной матерью. И во всём ей, как обезьянка, подражал. Клеопарда с места – и он за ней. Она на собаку – и он тоже. Она куснёт – и он старается куснуть собаку. А зубы у него передние – видели зайцев? – длинные, острые, ветки перегрызают. Как куснёт, – из собаки шерсть летит! Собаке не до него: только бы от Клеопарды отбиться. Он, зайчонок, и потерял всякий страх перед собаками. Как где увидит, так и несётся навстречу – кусаться. Храбрый волчонка стал. Соседские собаки все его боялись.

Да вот раз забрёл на двор к дяде Серёже какой-то дальний щенок, который ни Клеопарды не знал, ни храброго её сынишку.

Клеопарды тут не случилось поблизости, а зайчонок её, напившись молочка, спал на сене под ящиком.

Щенок подбежал к ящику, – зайчишка! И кинулся на него.

Собака, конечно, не то что заяц. Если, по-заячьи, двухнедельный зайчонок уже большим считается, то у трёхнедельной собачонки ещё только глаза прорезаются.

Она и в три месяца считается щенком.

Этому щенку месяца четыре уже стукнуло от роду, а он был ещё совсем глупый. Очень хотелось ему зайца поймать. А как за дело взяться с толком, он не знал: не приходилось ему ещё на охоте бывать.

Он прыгнул на зайчонка и хватить его зубами за бочок! Надо бы за шиворот или ещё как, а он – за бок.

Ну, конечно, шерсти клок выдрал порядочный, плешинку на боку сделал, – а удержать не мог. Зайчонок как вскочит, как махнёт с перепугу через ящик, – только его щенок и видел! А тут ещё Клеопарда прибежала, – пришлось щенку поскорей убираться со двора подобра-поздорову.

Клеопарда своему зайчонку рану зализала. Известно ведь: собачий язык – лучше всякого лекарства раны залечивает превосходно. Но зайчонок после этого случая жить на дворе у дяди Серёжи больше не захотел. Ночью пролез сквозь забор – и в лес.

Да вот трёх дней не прошло, Джим наш в лесу его и поймал.

Сынишка рассказ мой выслушал и губы надул, чуть не плачет.

– Ну вот, – говорит, – ты его, значит, дяде Серёже несёшь. А я думал, он у нас поживёт...

– Что ж, – говорю, – сегодня-то уж, конечно, у нас переночует, а завтра сходим к дяде Серёже, попросим. Если ему не надо, может, и уступит нам.

Мы пришли домой, и я выпустил зайчонка на пол.

Он сразу в угол, под лавку, – и спрятался там.

Сынишка налил ему блюдечко молока, зовёт его:

– Лупленький Бочок, Лупленький Бочок, иди молочко пить. Сладкое!

Зайчонок не выходит.

Сынишка полез за ним под лавку, схватил его за шиворот, вытащил.

Зайчонок верещит, задними лапами дрыгает.

– Глупенький, мы же люди, – объясняет ему сынишка, – мы тебя не обидим!

А зайчонок изловчился – и цап его зубами за палец! Так куснул, что даже кровь пошла.

Сынишка вскрикнул, выпустил его.

Зайчонок – опять под лавку.

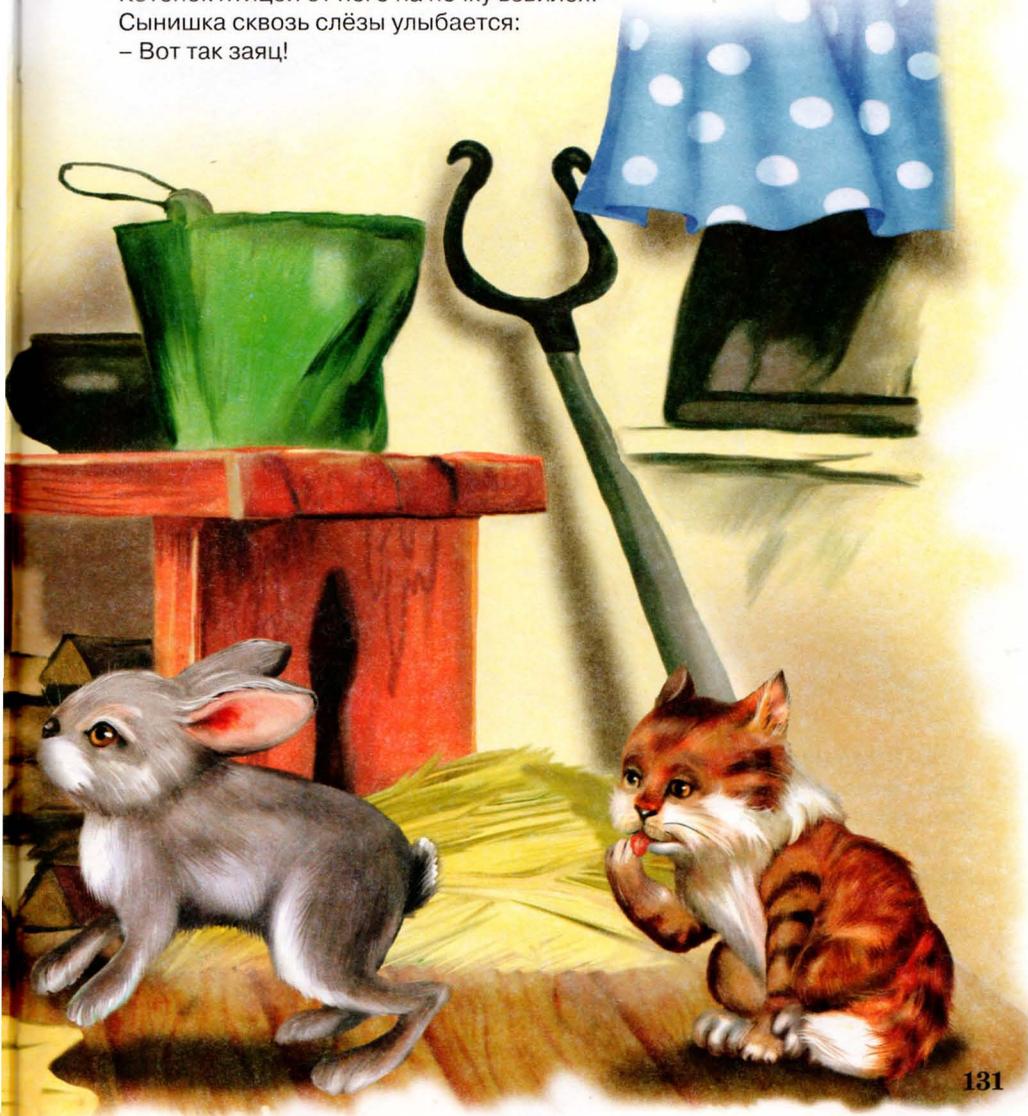
Тут наш котёнок, – у нас ещё котёнок тогда был, ростом поменьше зайчонка, – подбежал к блюдечку и начал лакать из него молоко.

Лупленный Бочок как выскочит, как кинется на него, как куснёт!

Котёнок птицей от него на печку взвился!

Сынишка сквозь слёзы улыбается:

– Вот так заяц!

Мы поужинали, и Джим первый улёгся спать на своё место, – у него свой матрасик в углу. Джим очень устал: ведь целый день по лесу бегал, дичь искал старичок.

Смотрит – Лупленный Бочок к нему ковыляет. Сел на задние лапы, а передними вдруг как забарабанит по Джиму!

Джим вскочил и, ворча и оборачиваясь, ушёл под лавку: не драться же с маленьким, – да всё-таки обидно свою постель такому уступать!..

А Лупленный Бочок преспокойно себе улёгся на его матрасике.

Переспали мы ночь. Утром встаём, – Джим так и спит под лавкой на голом полу, а котёнок всё на печке сидит, слезать боится.

Я сынишку спрашиваю:

– Ну что ж, пойдём к дяде Серёже зайчонка себе просить?

Сынишка посмотрел на котёнка, на Джима, на свой завязанный палец – и говорит:

– Знаешь, что? Пойдём лучше отнесём зайчонка дяде Серёже насовсем.

Так мы и сделали. Ну как, в самом деле, такого скандалиста дома держать! Со всеми дерётся. Уж на что добряк Джим – и с ним не ужился.

Отнесли мы зайчонка дяде Серёже, а он говорит:

– Мне тоже такого не надо. Тащите его, откуда взяли.

Пришлось в лес нести.
Там выпустили.
Зайчонок прыг-прыг – и в кусты.
Даже «до свиданья» не сказал.
Вот какие зайцы бывают.

Чей нос

лучше?

Мухолов-Тонконос сидел на ветке и смотрел по сторонам. Как только полетит мимо муха или бабочка, он сейчас же погонится за ней, поймает и проглотит. Потом опять сидит на ветке и опять ждёт, высматривает. Увидал поблизости Дубоноса и стал жаловаться ему на своё горькое житьё.

– Очень уж мне утомительно, – говорит, – пропитание себе добывать. Целый день трудисься-трудисься, ни отдыха ни покоя не знаешь, а всё впроголодь живёшь. Сам подумай: сколько мошек надо поймать, чтобы сытым быть. А зёрнышки клевать я не могу: нос у меня слишком тонок.

– Да, твой нос никуда не годится, – сказал Дубонос. – То ли дело мой! Я им вишневую косточку, как скорлупу, раскусываю. Сидишь на месте и клюешь ягоды. Вот бы тебе такой нос.

Услыхал его Клёт-Крестonos и говорит:

– У тебя, Дубонос, совсем простой нос, как у Воробья, только потолще. Вот посмотри, какой у меня замысловатый нос! Я им круглый год семечки из шишек вылуциваю. Вот так.

Клёт ловко поддел кривым носом чешуйку еловой шишки и достал семечко.

– Верно, – сказал Мухолов, – твой нос хитрей устроен!

– Ничего вы не понимаете в носах! – прохрипел из болота Бекас-Долгонос. – Хороший нос должен быть прямой и длинный, чтоб им козявок из тины доставать удобно было. Поглядите на мой!

Посмотрели птицы вниз, а там из камыша торчит нос длинный, как карандаш, и тонкий, как спичка.

– Ах, – сказал Мухолов, – вот бы мне такой нос!

– Постой! – запищали в один голос два брата-кулика – Шилонос и Кроншнеп-Серпонос. – Ты ещё наших носов не видал!

Поглядел Мухолов и увидел перед собой два замечательных носа: один смотрит вверх, другой – вниз, и оба тонкие, как иголка.

– Мой нос для того вверх смотрит, – сказал Шилонос, – чтоб им в воде всякую мелкую живность поддевать.

– А мой нос для того вниз смотрит, – сказал Кроншнеп-Серпонос, – чтоб им червячков да букашек из травы таскать.

– Ну, – сказал Мухолов, – лучше ваших носов не придумаешь!

– Да ты, видно, настоящих носов и не видал! – крикнул из лужи Широконос. – Смотри, какие настоящие-то носы бывают: во-о!

Все птицы так и прыснули со смеху, прямо Широконосу в нос: «Ну и лопаата!»

– Зато им воду щелокчить-то как удобно! – досадливо сказал Широконос и поскорей опять кувыркнулся головой в лужу.

– Обратите внимание на мой носик! – прошептал с дерева скромный серенький Козодой-Сетконос. – У меня он крохотный, однако служит мне и сеткой, и глоткой. Мошкара, комары, бабочки целыми толпами в сетку-глотку мою попадают, когда я ночью над землёй летаю.

– Это как же так? – удивился Мухолов.

– А вот как! – сказал Козодой-Сетконос да как разинет зев – все птицы так и шарахнулись от него.

– Вот счастливцев! – сказал Мухолов. – Я по одной мошке хватаю, а он ловит их сразу сотнями!

– Да, – согласились птицы, – с такой пастью не пропадёшь!

– Эй вы, мелюзга! – крикнул им Пеликан-Мешконос с озера. –
Поймали мышку – и рады. А того нет, чтобы про запас себе что-
нибудь отложить. Я вот рыбку поймаю – и в мешок себе отложу,
опять поймаю – и опять отложу.

Поднял толстый Пеликан свой нос, а под носом у него мешок,
набитый рыбой.

– Вот так нос, – воскликнул Мухолов, – целая кладовая! Удобней
уж никак не выдумаешь!

– Ты, должно быть, моего носа ещё не видал, – сказал Дятел. – Вот полюбуемся!

– А что ж на него любоваться? – спросил Мухолов. – Самый обыкновенный нос: прямой, не очень длинный, без сетки и без мешка. Таким носом пищу себе на обед доставать долго, а о запасах и не думай.

– Нельзя же всё только об еде думать, – сказал Дятел-Долбонос. – Нам, лесным работникам, надо инструмент при себе иметь для плотничных и столярных работ. Мы им не только корм себе добываем, но и дерево долбим: жилище устраиваем, и для себя, и для других птиц. Вот у меня какое долото!

– Чудеса! – сказал Мухолов. – Столько носов видел я нынче, а решить не могу, какой из них лучше. Вот что, братцы, становитесь вы рядом. Я посмотрю на вас и выберу самый лучший нос.

Выстроились перед Мухоловом-Тонконосом Дубонос, Крестонос, Долгонос, Шилонос, Широконос, Сетконос, Мешконос и Долбонос.

Но тут упал сверху серый Ястреб-Крюконос, схватил Мухолова и унёс себе на обед.

А остальные птицы с перепугу разлетелись.

СОДЕРЖАНИЕ

Первая охота	3
Как муравьишка домой спешила	11
Лесные домишки	25
Красная горка	41
Мастера без топора	59
Синичкин календарь	65
Кто чем поёт?	113
Лупленный Бочок	119
Чей нос лучше?	135

*Серия «Любимые сказки малышам»
Литературно-художественное издание
Для дошкольного и младшего школьного возраста*

**Виталий Валентинович
Бианки**

СКАЗКИ МАЛЫШАМ

*

*Редактор Т. Рашина
Дизайн обложки Н. Князева
Вёрстка Н. Шелюх
Корректор М. Лысяя*

*

Торговое представительство:
Ростов-на-Дону
тел.: (863) 230-40-21, факс: 230-40-23
E-mail: book@prof-press.ru
<http://www.prof-press.ru>
Донецк (Украина)
тел.: (0622) 58-17-97
Киев, Украина
тел.: (044) 464-49-46.
E-mail: kredok@i.com.ua

Код по классификации ОК 005-93 (ОКП) 95 3000. Книги и брошюры.
Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 61.РЦ.10.953.П.007352.12.07 от 21.12.2007 г.
Подписано в печать 29.04.08. Формат 84 x 108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Школьная».
Усл. печ. л. 9. Заказ № 797. Тираж 30 000

Для писем:
Издательский Дом «Проф-Пресс», а/я 5782,
Ростов-на-Дону, 344019, редакция.

Отпечатано в ООО «Издательский дом «Проф-Пресс»,
344065, Ростов-на-Дону, ул. Орская 12В;
тел.: (863) 230-42-02.

В КНИГЕ:
Первая охота
Как муравьишка домой спешил
Лесные домишки
Красная горка
Мастера без топора
Синичкин календарь
Кто чем поёт
Луплёный Бочок
Чей нос лучше

ISBN 978-5-378-00824-7

9 785378 008247